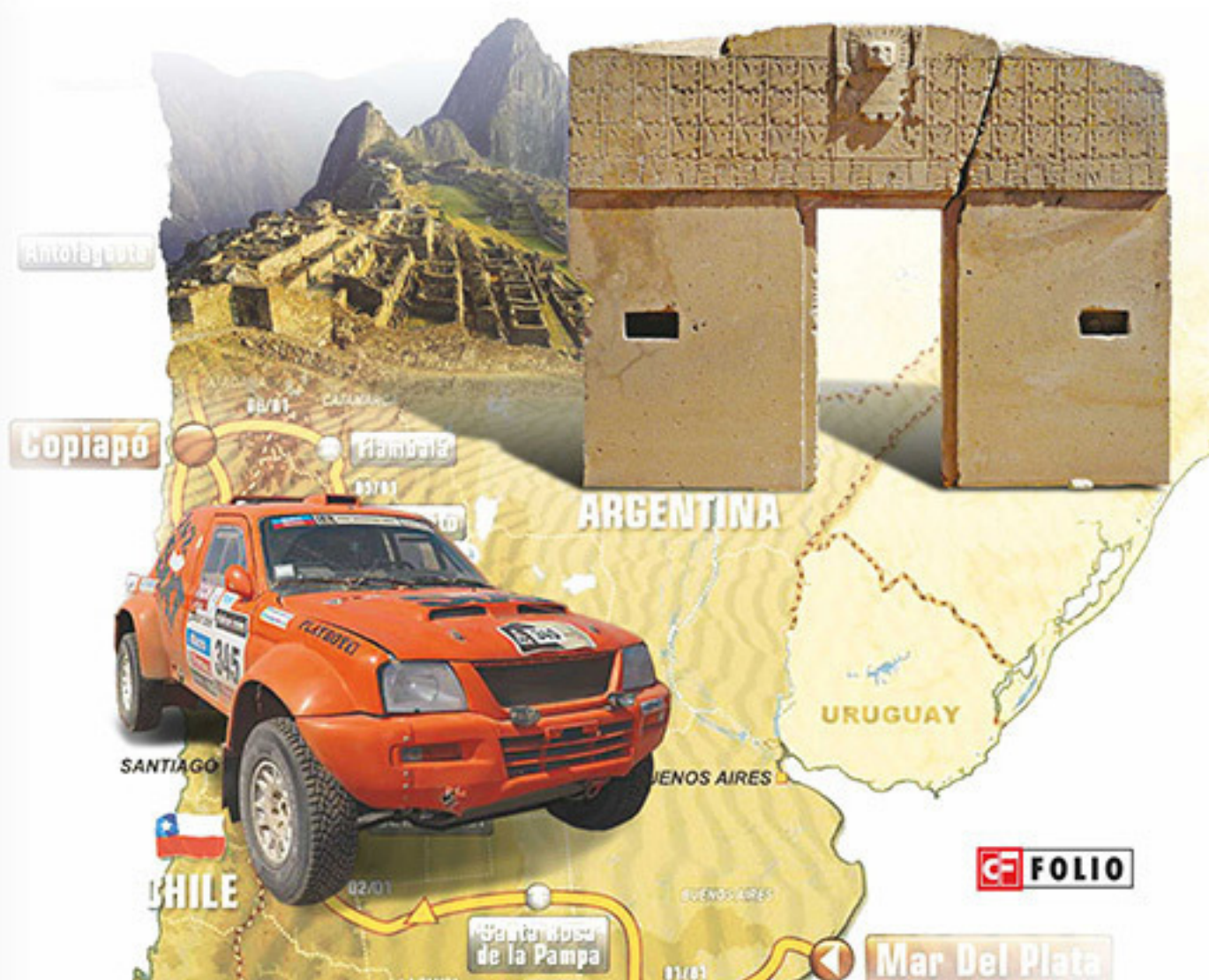

АНДРЕЙ ЦАПЛИЕНКО

ИМПЕРИЯ Четырех Сторон

Андрей Цаплиенко

Империя Четырех Сторон

«Фолио»

2014

Цаплиенко А. Ю.

Империя Четырех Сторон / А. Ю. Цаплиенко — «Фолио», 2014

Новый захватывающий роман Андрея Цаплиенко «Империя Четырех Сторон» построен на загадках, парадоксах и гипотезах, переплетающихся между собой, как древнее узелковое письмо кипу, использовавшееся в доколумбовой Америке. Две, казалось бы, не связанные друг с другом нити повествования разделяет почти пятьсот лет. Великие тайны Империи Инков придется разгадать украинскому гонщику, волей судьбы и провидения оказавшемуся на самой престижной автогонке планеты. Конечно, на этот невероятный сюжет автора вдохновил знаменитый ралли-рейд «Дакар», который ему неоднократно приходилось снимать. А прообразом главного героя романа стал Вадим Нестерчук, человек, впервые под украинским флагом проехавший «Дакар» от начала и до конца. Его памяти и посвящена эта книга.

© Цаплиенко А. Ю., 2014

© Фолио, 2014

Содержание

Один. Исчезновение	7
Два. Комиссар полиции	12
Три. Бронзовые ножи	14
Uno. El jardín de oro	16
Четыре. Гонка. Автодесант	20
Dos. El juego con las piedras	24
Пять. Любимый город	30
Шесть. Гонка начинается	32
Tres. El Comodoro y el Emperador	35
Cuatro. El tribunal de los extraños	38
Cinco. Ver el Mundo	42
Семь. Становится больно	47
Seis. El gusto de la mujer	52
Восемь. Тот, кто пришел	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Андрей Цаплиенко

Империя Четырех Сторон

Вадиму Нестерчуку посвящается.

Обещание выполнено.

Мне хотелось создать параллельную реальность, в которой он остался жив.

«Ата llulla, ата suwa, ата quella!»

(«Не лги, не воруй, не ленись!»)

(кечуа)

Девиз Империи Инков

- «— Я не могу быть священником, святой отец.
- Почему? Ты лучший студент, у тебя есть талант убеждать других.
- Этого недостаточно.
- Ты словно чего-то боишься. Но это исповедальня. Сейчас я не просто твой куратор, но и твой духовник. Разве боятся духовника?
- Я не вас боюсь, святой отец. Скорее себя.
- У меня такое впечатление, что я вытягиваю исповедь из тебя силой. Но я священник, а не комиссар полиции.
- У вас хорошее чувство юмора. Я всегда это отмечал на ваших лекциях.
- Я прожил достаточно много лет, чтобы понять, что в мире, кроме веры, слишком мало серьезных вещей.
- Но причина, по которой я не могу быть священником, также слишком серьезна.
- Давай сделаем так, как задумали наши предшественники. Эта кабинка устроена таким образом, чтобы не видеть лица исповедника и остаться наедине с собой. Собеседника как будто нет, есть только его вопросы. Итак, ты не можешь получить рукоположение и сан, так?
- Так.
- Почему? Ты сделал что-то страшное?
- Да.
- Украл?
- Нет.
- Лишил жизни человека?
- Нет. Хуже, гораздо хуже.
- Что может быть хуже?
- Всего вашего опыта не хватит, чтобы догадаться.
- Ты серийный убийца?
- Опять шутите. Нет, я скорее серийный каннибал. Ну, вот и признался.
- Серийный кто?!
- Каннибал. Я ел людей. Много раз.
- Когда это было?
- Последний раз на прошлых каникулах.
- Но зачем?!
- Чтобы сила врага стала моей. Таковы обычаи в моем селении.
- Похоже на дешевые книжки в мягких переплетах.
- Жизнь вообще похожа на дешевую литературу. Но признать это людям мешает врожденный снобизм.

- Ты ел человека? Ты, лучший студент семинарии, ел человека?! Неужели это правда?
- Это не все.
- Неужели это правда? Но ты раскаиваешься в том, что ты сделал это?
- Как бы я ни раскаивался, я должен поступить так, как требуют обычаи моих отцов.
- Не понимаю.
- Если вы расскажете кому-нибудь об этом, вас убьют. И, возможно, съедят».

Один. Исчезновение

Таинство исповеди было нарушено. Иначе откуда бы Норман узнал об этой истории.

«Неужели ты думаешь, что все это правда?» – спросил Вадим Нормана. Метис невозмутимо улыбнулся широким ртом:

«Не знаю. Но о священнике я больше ничего не слышал».

Он, что ли, так шутит?

Норман, несмотря на происхождение, исповедовал европейские ценности. Лицом он был похож на своего отца, а тот – на всех представителей племени кечуа: круглолицых, крупнозубых, кареглазых, с кожей цвета старинной мебели. Вадима странная история заинтересовала. Он медленно пил безалкогольное пиво, раздумывая над тем, что сказал профессору семинарии его студент.

Вот о чем размышлял Вадим. Людей едят по разным причинам. Например, от голода. Случаев каннибализма во время спонтанных или срежиссированных голодоморов было не счесть от Дарфура до Украины. Едят людей в тайге – это особая российская традиция времен ГУЛАГа. Двое заключенных, планируя сбежать из лагеря, уговаривали третьего, причем, выбирали человека посильнее и покрупнее. Этот третий, как тупой бык, тянул на себе провиант всей группы беглецов, а когда запасы кончались, большого и сильного пускали в расход и съедали. Так это и называлось – побег «с бычком». Следует понимать, что ни в первом, ни во втором случае участники трапезы не вкладывали в акт каннибализма ничего мистического. Они просто утоляли голод. «Интересно, сколько же в мире осталось неисследованных мест, где человека пожирают во имя высокой цели? Где съедению куска человеческой плоти придают священное значение?» – размышлял Вадим, при этом сомневаясь, что история, рассказанная Норманом, правдива. Вряд ли священник может нарушить таинство исповеди. Впрочем, как там сказал семинарист, главный герой рассказа Нормана?

«Жизнь вообще похожа на дешевую литературу».

«Но оценить это может только тот, кто читает хорошие книги», – словно говорила белозубая улыбка метиса.

– Ты знаешь, кто такой Лапу-Лапу? – спросил Нормана Вадим.

– Нет, и никогда не знал.

– А тебе интересно узнать, кто это?

– Нет, – пожал плечами Норман.

– Ну, тогда расскажу, – улыбнулся Вадим, не заметив отказа. Он вообще отличался упрямством и говорил больше о том, что было интересно ему, а не собеседнику.

Неизвестно, запомнил ли Норман всю бесконечную историю убийства и съедения знаменитого адмирала Магеллана сотоварищи на Филиппинском архипелаге. Жадность европейцев и агрессивность филиппинцев не долго испытывали друг друга на прочность. Местный вождь по имени Лапу-Лапу не дал португальцам закончить мореплавание. Во всяком случае, не всем из тех, кто посетил его остров. Норман же из всей истории запомнил главное. Памятников Магеллану на Филиппинах не ставили. А вот мощная фигура Лапу-Лапу, запечатленная в бронзе, является достопримечательностью архипелага. Памятник каннибалу, единственный в мире. Но история Филиппин на Боливийском плоскогорье мало кого интересует.

К тому же Норман, кечуа, не желал иметь ничего общего с древними традициями своего народа. И он, как специалист по истории инков, всегда пытался найти оправдательные мотивы в действиях Франсиско Писарро и тех, кто пришел за ним, чтобы уничтожить Империю Четырех Сторон, больше известную, как Империя Инков. В XVI веке эта страна простиралась на пять тысяч километров с севера на юг континента и примерно на тысячу в глубину от тихоокеанского побережья к верховьям Амазонки. Местное население называло свою родину Тавантинсуйу, что в переводе и означало «Земля Четырех Сторон». Ученые до сих пор спорят, страдал ли ее народ под властью императоров или же пребывал в счастливой эйфории от сознания того факта, что живет в огромной могущественной стране. По сути, сверхдержаве своего времени.

Норман был лишен склонности к сомнениям и не любил подобные споры. Все, что происходило на континенте до европейцев, он считал суеверием и пережитками, – то есть, с точки зрения метиса, злом, с которым нужно беспощадно бороться в силу своих возможностей. Что, собственно, Норман и делал. Инструментом борьбы было знание, а способы – исключительно академические. На историческом факультете университета имени Габриэля Морено Норман Паниагуа считался безжалостным преподавателем, способным уничтожить нежелание учиться у самого распоследнего неуча. Профессор, не испытывая никаких сомнений, ненавидел прошлое своего континента, поэтому знал его исключительно хорошо.

– Правители страны инков были невероятно богатыми людьми. В современных масштабах очень сложно себе представить те богатства, которыми они обладали. Ты же знаешь историю выкупа Атауальпы?

Вадим не знал.

– Император по имени Атауальпа был захвачен в плен Франсиско Писарро. Атауальпа попытался купить себе свободу. Он предложил конкистадорам столько золота, сколько поместится в комнате, где был заперт правитель.

– И что дальше?

– Писарро согласился, и переговорщики со стороны индейцев привезли золото. Столько, сколько влезло в комнату размером примерно пятьдесят кубических метров.

– Ничего себе!

– Они привезли и серебро, – улыбнулся Норман. – Его было примерно в три раза больше, чем золота. А потом Атауальпа решил похвастать своими финансовыми возможностями и намекнул Писарро, что это лишь капля в море по сравнению с тем, что у него осталось.

Империя Инков, как считают историки, занимала площадь от 800 000 до 2 000 000 квадратных километров. Ее обитатели называли страну Тавантинсуйу, что означало Четыре Объединенных Провинции. Их названия, в свою очередь: Кунтинсуйу, Кольясуйу, Антисуйу и Чинчасуйу. И взлет, и падение Тавантинсуйу полны загадок и вопросов, которые пока что остаются без ответа

– Конкистадоры отпустили императора?

– Конечно нет. Если бы это случилось, то мы бы с тобой сидели при свете лучины и восхваляли власть Верховного Инки в дозволенных для простолюдинов словах, но не более того. А потом, вместо того чтобы сесть за компьютер и проверить месседжи, отправились бы на ближайший государственный огород вкалывать на благо великого Отечества.

– «I'm back in USSR!» – напел Вадим «битловскую» мелодию.

– Конечно, старик, это был полный Эс-Эс-Эс-Эр, только в доколумбовом исполнении! – рассмеялся Норман. Он хорошо знал уклад жизни в Союзе, где получил диплом историка. И где, собственно, познакомился с Вадимом.

– Это был настоящий военный коммунизм, – продолжал Норман. – Любая открытая торговля – под запретом. Разные классы общества носили строго предписанную их сословию форму одежды. Все и вся подчинялось регламенту. День делился на три части: восемь часов на сон, восемь часов на отдых, восемь – на работу. Каждая община делила все произведенные материальные блага тоже на три части: одна отдавалась Великому Инке, то есть государству, вторая – предназначалась Инти, Солнцу, и ею распоряжалось мощное сообщество жрецов, третья часть оставалась в общине. Но в действительности все вокруг – включая землю и людей, на ней живущих, – было собственностью государства. А значит, одного человека по имени Атауальпа.

– Ты знаешь, – сказал Норман, – в Империи Тавантинсуйу был популярен лозунг «Все на благо человека!» Так вот, одного простолюдина казнили, когда он сказал, что знает этого человека.

Вадим рассмеялся.

– Я этот анекдот помню еще со школы. Только он не про вашего Императора, а про нашего. Генсека.

Паниагуа засмеялся вслед за Вадимом и продолжил описывать историю взаимоотношений Франсиско Писарро и Великого Инки. Предводитель конкисты решил не жадничать и, получив выкуп, правителя инков так и не отпустил.

– Так что Франсиско Писарро спас свободный мир еще до того, как этот мир появился, – так Норман подвел итог деятельности конкистадора.

– Свобода, построенная на обмане, – задумчиво проворчал Вадим.

– Что поделаешь? В истории иногда даже преступления могут положительно повлиять на прогресс.

Норман считал, что свобода – это единственный двигатель прогресса. И за нее надо платить. Свобода предпринимательства, воплощенная в официанте, не замедлила напомнить о себе счетом за ужин.

– Ого, – удивился Норман, взглянув на цифру в графе «Total». – Какие, кстати, нынче цены у вас в Киеве?

– Не меньше, чем здесь, – нахмурился Вадим, когда увидел счет. – При инках, ты говоришь, все было бесплатно?

– У каждого явления есть свои негативные и позитивные стороны, – философски прокомментировал ироничное замечание друга Норман. – Кроме того, наши траты будут еще процентов на десять больше. Надо оставить официанту на чай.

Друзья вышли из ресторанчика и взяли такси. Машина сначала подъехала к отелю, где остановился Вадим. После этого Норман попросил подвезти его на третье городское кольцо. Профессор арендовал здесь небольшое фотоателье, где подрабатывал, делая свадебные портреты: академическая зарплата в Боливии, как, впрочем, и повсеместно, радовала только тем, что выдавалась день в день. Профессор поднял жалюзи на входе, зашел в ателье и сразу направился к стеллажам, где лежали старые фотографии, одна из которых его очень интересовала. Особенно сейчас, после разговора о древних империях.

Он взял пожелтевший, с явной тенденцией к сворачиванию, лист глянца и уселся на изрядно потертый диван, на котором в дневное время обычно ожидали своей очереди клиенты фотоателье. Норман еще раз поглядел на снимок и подумал, что мощности его очков не хватит, чтобы рассмотреть детали на снимке. А ведь именно детали его больше всего интересовали на этой фотографии, когда он случайно наткнулся на нее в университетской библиотеке. Сообразив, что она, по сути, бесценна, профессор не удержался и выдернул снимок из толстого альбома. На обратной стороне, содрав ногтем засохший клей, он обнаружил надпись, сделанную чернилами:

«Дверь, которую закрыл строитель, защищает солдат. А откроет ее заблудивший путник».

Норман уже давно ломал голову над тем, связана ли фраза с изображением на фото, и пришел к выводу, что связи здесь нет. Прямой, во всяком случае.

Он бросил фото на пухлый лопающийся дерматин и, кряхтя, рывком поднял свое тело из сидячего положения в вертикальное.

Его рука потянулась к увесистой книге, на корешке которой можно было прочесть название «*Los Comentarios Reales de los Incas*». Он пролистал несколько страниц этого фолианта, нашел нужное место и, прищурив свои индейские глаза, отчего они стали узкими, как щелочки, стал вчитываться в строки, написанные на староиспанском языке.

– Неужели Гарсиласо де ла Вега не соврал? – удивился вслух Норман, и, похоже, этот возглас удивления он адресовал самому себе.

А это человек, который, имея под началом менее двух сотен авантюристов, сумел разрушить Империю Тавантинсуйу. Франсиско Писарро-и-Гонсалес сам не знал точной даты своего рождения – то ли 1475 год, то ли 1476, – а вот погиб он от меча своих алчных соратников в 1541 году, в городе Лима, который сам же и основал

Историк-фотограф подошел к стеллажу и привычным движением стянул с него увеличительное стекло в пластиковой оправе. Потом развернулся и двинулся назад к ветхой громадине дивана, но внезапно изменил траекторию и задержался возле невысокой стеклянной конструкции, на которой стояла початая бутылка виски. Профессор схватил виски и снова вернулся к дивану, сидя на котором так приятно рассматривать фотографии древностей, особенно, если никуда не спешить и периодически баловать свои чувства терпкой вкусовой гаммой, которую можно создать только при помощи виски. Норман любил скромное сибаритство одиночества. В предвкушении удовольствия он посмотрел на диван. Последнее, что он успел осознать, это то, что старой, покоробленной фотографии на диване нет.

Два. Комиссар полиции

На следующий день Вадима разыскал полицейский и попросил немедленно приехать в комиссариат национальной полиции.

– В связи с чем? – спросил Вадим.

– Не знаю точно, – промямлил молодой полицейский. – Я, сеньор, всего лишь посыльный. Но говорят, дело об исчезновении человека.

Вадим пожал плечами и отправился в комиссариат на своей машине.

– Круто! – только и сказал посыльный, увидев странный оранжевый агрегат, в котором с трудом могли разместиться двое. В машине с первого взгляда чувствовалась мощь и уверенность.

– Поедете в этой? – спросил Вадим. Полицейский кивнул. Он отметил про себя, что металлические дуги безопасности и обилие приборов при внутреннем аскетизме кабины говорят о том, что Вадим катается на отличном спортивном болиде, стоимость которого исчислялась в невероятных цифрах. Но машина гонщику не принадлежала. Здесь, в боливийской сельве, можно было прекрасно подготовиться к самой главной гонке планеты. Именно для этого Вадим приехал сюда. А дружище Норман заранее помог ему арендовать самый лучший спортивный внедорожник в Санта-Крус.

Прошло еще немного времени, пока Вадим осознал, что его подозревают в причастности к похищению человека. И этим человеком был профессор Норман Паниагуа. Он так и не вернулся домой, и утром растрепанная жена сначала появилась в фотоателье, чтобы проверить наличие мужа там, где он обычно в одиночестве хлестал виски, затем, не обнаружив его в ателье, она принялась звонить на мобильный телефон Вадиму. Она знала, что Норман собирается ужинать с другом неподалеку от гостиницы, в которой тот остановился. Но телефон Вадима был отключен, и женщина заявила в полицию. То, что Норман все же побывал в ателье, подсказывал предмет, лежавший на полу студии. Бутылка виски посередине влажного темного пятна, состоявшего, как точно определили полицейские, из того, что раньше находилось внутри стеклотары.

– А вы, собственно, что делаете в Боливии? – грозно спросил комиссар.

– Готовлюсь к гонкам, – ответил Вадим.

– Гонщик, стало быть, – подвел итог своим догадкам полицейский.

– Да, – кратко подтвердил Вадим.

Загорелые пальцы комиссара отстукали бодрый марш по столешнице. Разговор происходил в прокуренном кабинете. Судя по отсутствию компьютера и присутствию набитой окурками пепельницы, кабинет был дежурным помещением, предназначенным для быстрых

допросов не слишком значительных персон. Важность персоны Вадима для следствия по исчезновению профессора истории комиссар не успел оценить и пригласил его сюда.

– А кем вам приходится Норман Паниагуа?

– Братом родным, – саркастически проговорил Вадим, вспомнив индейские черты лица историка, и тут же счел нужным добавить уточнение: – Шутка.

Взгляд комиссара не располагал к шуткам оппонентов. Полицейский чиновник смотрел на Вадима так, как будто это давалось ему невероятно тяжело. Из-под нависающих на самые зрачки век струилась энергия неприязни, и Вадим физически ощущал на себе ее смутную тяжесть.

«С персонажами при исполнении служебных обязанностей лучше не спорить», – взял себе гонщик за правило с тех пор, как однажды в аэропорту его сняли с рейса за вполне безобидный ответ: «Да, конечно» на вопрос девушки из службы авиационной безопасности, есть ли у пассажира с собой наркотики, оружие или взрывчатые вещества. Шутка о брате Нормане прозвучала забавно, но вслед за ней последовали бесконечные вопросы комиссара, точность и беспощадность которых подпитывали неприязнь к оппоненту и зловоние из пепельницы.

Хотя следует признать, Норман действительно был для Вадима кем-то вроде брата. Особенно после нескольких лет, прожитых вместе в киевском общежитии.

Три. Бронзовые ножи

Молодой человек в одежде, отдаленно напоминающей то ли арабский дишдаш – тонкий халат до пят, то ли спецодежду мясника, готовится к очень важному событию. Он проверяет, насколько остро наточены старинные инструменты перед ним на столе. По коричневой бронзе, из которой сделан набор ножей, крючков и зажимов, можно догадаться, что он имеет древнее происхождение. И если даже это не совсем так, то бронзовые инструменты – точная копия или стилизация «под древности Империи Инков», которые можно купить почти повсеместно на западном, да и на восточном склоне великой горной цепи, от шумной Боготы до окрестностей Сантьяго. Инструменты напоминают хирургические, хотя они на вид грубее и массивнее. Но тонкий орнамент, который имеется на рабочей поверхности каждого бронзового инструмента, говорит о высоком мастерстве тех, кто их изготовил. А если поднести древние ножи поближе к глазам, то можно заметить, что тонкие линии распадаются на отдельные микроскопические изображения животных, из которых и свивается нитка орнамента. На одних ножах его образуют сотни орлов, на других он сплетается из обезьян, цепляющихся одна за другую длинными спиралевидными хвостами. На третьих его формирует цепь из крокодилов, каждый из которых, позволяя схватить себя собрату за хвост, крепко держится зубами за хвост предыдущего земноводного. С помощью увеличительного стекла можно рассмотреть, что, несмотря на общий стиль рисунка, у каждого из животных есть свои неповторимые черты. Иногда это оскал, а иногда и положение лап, от готовности к прыжку до позиции самозащиты.

У молодого человека в арабском дишдаше не было увеличительного стекла. К тому же он вряд ли тратил бы время на разглядывание фигурок на лезвиях. Его интересовало практическое, а не художественное достоинство инструментов. Тем не менее, каждый из инструментов человек в дишдаше мысленно называл именами животных, которые были на них изображены. «Сначала берем нож-орел, – говорил он вполголоса, – делаем круговой надрез. Потом ножом-крокодилом намечаем продольный. Дальше понадобится широкое лезвие ножа-обезьяны, чтобы разрезать кости. И потом уже в ход пойдут крючья».

Над столом, выхватывая тусклым пучком света руки молодого человека, горела электролампочка, вся в следах паутины и копоти. Обстановка в комнате была далека от стерильной. Осторожные движения человека в дишдаше придавали ей особую торжественность.

– Каждая часть имеет свое назначение и, значит, свой вкус, – бормотал молодой человек так, словно повторял хорошо вы зубренный урок. Ножи сверкали бронзовым блеском в пятнах желтого света. Микроскопические звери крепко сжимали зубы.

Молодой человек потянулся кверху и подвинул лампу таким образом, чтобы пятно света ярче всего освещало середину грязноватого деревянного стола и то, что на нем лежало. Юноша, продолжая повторять слова своей мантры о вкусовых различиях, взмахнул бронзовым ножом и с силой вонзил его в то, что лежало на столешнице. Нож почти без сопротивления преодолел препятствие. Он с легкостью отделил от массивного тела небольшую часть. Это была человеческая кисть. Она упала на жесткий пол с глухим стуком. Кисть была сделана из пластика. Человек разделявал манекен, и это походило на безумие. Тем более, что его губы шептали безумные слова, лишённые всякого смысла:

– Инка Виракочи, то, что ты предсказывал нам, сбылось, но мы повернем это вспять. Время движется в оба конца.

Uno. El jardín de oro

Вода стекала по бирюзовым желобам, подпитывая фонтан, который выбрасывал вверх восемь острых струй. Здесь было спокойно и тихо. Легкое журчание воды не нарушало спокойной красоты этого места, куда простых руна обычно не допускали. Во всяком случае, Чинча не слышал ни об одном подобном случае. А к слухам об Инка Уака Чинча обычно очень внимательно прислушивался, хотя бы потому, что мечтал своими глазами увидеть золотой сад. И вот это наконец произошло. Он, обычный руна, родившийся в дальней общине-алью на диком востоке империи, стоит посреди самого красивого места под Солнцем и смотрит на золотые продолговатые листья, под весом которых ветки тяжело и медленно покачиваются. Чем дольше он вглядывался в детали фактуры золотых деревьев, тем больше они казались ему ожившими, хотя, возможно, эффект живого сада создавался за счет вот этого почти незаметного журчания фонтана. А разбираться в эффектах Чинча умел, в этом, собственно, и была его работа: придумывать, как соединять живую природу с неживой, каменной архитектурой.

«Да что же я стою?» – подумал Чинча и медленно, словно осторожничая, присел на край восьмиугольного фонтана. Главный строитель Тавантинсуйу, который пробивал дорогу на Восток, очень давно заметил в парне талант – видеть, а значит, и создавать архитектурные эффекты, – и потому забрал его сюда, в Куско. «Город и горы так же неотделимы, как небо и земля, – говорил он Чинче, своему лучшему ученику во время занятий, – они кажутся совершенно противоположными по своей сути, но это не так. Они едины. Если город вырван из природы, то люди в нем будут унылыми и нерадовыми. А если люди нерадовы, то однажды Империи Четырех Сторон придет конец». Чинча не понял, о чем это говорил главный строитель. Но у старика довольно часто мысли рассыпались, как зерна кивичи из прохудившегося мешка, поэтому слушать его непонятные сравнения можно было, лишь помня о том, как тяжело в потоке слов найти главное.

Сюда, впрочем, Чинчу пустили не для того, чтобы он любовался идеальным сочетанием золота и воды.

– А вот, наконец, и он, наш юный гений, – услышал Чинча за спиной низкий раскатистый бас. Этот бас принадлежал одному из самых могущественных людей Тавантинсуйу, и молодой человек сначала вскочил на обе ноги, а потом упал на оба колена для поцелуя. Но Вильяк Ума безразлично отнял руку, которую схватил Чинча.

– Сейчас не время для церемоний, – сказал он жестко.

Чинча встал на ноги, но все еще держал голову склоненной.

– Ты что же, строитель, боишься, что свет Инти прожжет тебе глаза? – усмехнулся Верховный жрец. – Подними подбородок, я же тебе сказал: сейчас не время для церемоний.

– Слушаюсь, Великий Вильяк Ума, – пробормотал Чинча и поднял взгляд. Он увидел перед собой крупный нос, который, словно гора, поставленная набок, делал совершенно незначительными все остальные, и без того мелкие черты лица этого человека. Они как-то не вязались с мощным голосом жреца, которым он, казалось, мог заставить само небо расплакаться дождем и рассмеяться светом, если надо.

– Ты, говорят, построил в горах что-то совсем удивительное? – спросил жрец.

– Ну, не то чтобы совсем, – замялся Чинча, но тут же вспомнил совет матери никогда не скромничать, если есть чем гордиться. – Я нашел место для главной башни. Когда на нее падает свет солнца, тень, отброшенная в сторону, идеально ложится на склоны гор. А ее острый угол указывает направление в сторону Куско.

– Хорошо, – спокойно заметил жрец. – Но это ведь не все о башне, так?

– Да, так, – вздохнул Чинча испуганно. Он не собирался рассказывать здесь о своей тайне, но, видно, придется.

– Я сделал в башне отверстие. Солнце проходит по небу так, что лишь один раз в году оно оказывается в точке, которую я назвал точкой золота. И вот почему. Когда лучи солнца проникают в отверстие, создается необычный эффект. Тот, кто находится внутри башни, видит чудо. Как будто поток золота струится с потолка и падает струями прямо на зрителя. Это длится несколько мгновений, но может впечатлить на годы. Когда я рассчитывал эту точку, я понял, что на свете есть множество вещей, которые мы не понимаем только потому, что не понимаем до конца природу вокруг нас.

– Это так. Но в том-то и вся прелесть, что природа нас постоянно чем-нибудь удивляет, – заметил жрец. – Ну, говори дальше. Что там с этой твоей точкой золота?

Чинча замялся.

– Говори, говори, – по-отечески приободрил архитектора Вильяк Ума.

– Великий жрец, я понял, что все мы ошибались. И наши предки тоже.

– Те, кто вышел из озера Титикака? – переспросил жрец, и молодой человек не уловил в его словах легкой тени иронии.

– Да, те, кто из Титикака, и те, кто был за ними, – ответил Чинча. – Они говорили, что над нашей землей просыпается солнце Инти, и наступает день. Он проходит по небесной лазури свой путь и уходит спать, и тогда на земле наступает время ночи. Но на самом деле это не так.

– А как? – заинтересованно спросил Вильяк Ума.

– Солнце никуда не ходит. Оно вообще не ходит. Сначала я придумал этот эффект. Потом возвел башню. Потом нашел точку солнца. Этот эффект был бы невозможен, если бы солнце ходило над нами. Значит, это мы ходим вокруг солнца.

Последнюю фразу Чинча почти выдохнул из себя. Великий Ума молчал. Строитель подумал, что жрец не понял смысла сказанного, и постарался объяснить.

– Солнце – это шар, который висит в огромном пространстве. Вокруг него вращается земля. На один оборот уходит целый год. Поэтому через некоторое время повторяются сезоны, и засуха сменяется дождем. Но вот что интересно – земля, оказывается, круглая. Она вращается вокруг себя, и таким образом создается эффект дня и ночи. Когда мы лицом к солнцу – день, когда поворачиваемся спиной, то наступает время ночи.

Верховный жрец посмотрел на ближайшее к нему золотое дерево. Тонкий листик покачивался, и тень от него маятником ходила по земле – то влево, то вправо.

– Чинча, ты все время говоришь об эффектах, – промолвил наконец Ума. – Может, и вся наша жизнь тоже сплошной эффект?

Чинча подскочил к Уме с приоткрытым для объяснения ртом, точно как нерадивый ученик вскакивает со скамьи, чтобы объяснить учителю, почему он сделал ошибки в простом задании. Но жрец остановил архитектора одним жестом руки, покрытой пятнами старости.

– В другое время я бы тебя наказал. Или наградил. Но сейчас не буду делать ни того ни другого. Знаешь, почему?

Чинча не знал.

– Потому, что теперь это не имеет значения. Мне все равно, что происходит на небе или, согласно твоим словам, за небом. Но мне не все равно, что происходит с моим народом.

– Вы о руна?

– Нет, это касается не только простолюдинов, а и всего народа Тавантинсуйу, Империи Четырех Сторон.

– А что не так с народом? – поинтересовался Чинча.

– Ничего. Кроме того, что нас хотят уничтожить, и это пока у врагов получается.

– Уничтожить? О чем это Вильяк Ума говорит?

– О том, что Тавантинсуйу конец. Очень скоро. Оставь солнце, строитель. наших врагов интересует не золотой дождь с неба, а вполне конкретное земное золото. Вот это, – Вильяк Ума указал на сад.

От этих слов, казалось, должно было произойти что-то ужасное. Но стены внутреннего двора не упали. А золотые деревья не рассыпались. Вода журчала. Золотые пятна отражений света бродили по стенам в неторопливо хаотичном ритме. Сад остался садом.

Собор Санто Доминго в Куско (Перу) начали строить в 1650 году на руинах инкского храма Кориканча (в переводе с кечуа «Золотой храм»). Строительство заняло несколько лет. Нижняя часть строения до наших дней дошла в таком виде, в котором его знали жители Империи Четырех Провинций. В Кориканче, по легенде, искусными мастерами был сделан сад из золота и драгоценных камней

– Послушай, строитель, – продолжал Вильяк Ума. – Мы думали, что на востоке, за бесконечными лесами, столь же бесконечное море. Но люди, которых мы считали посланцами Солнца, доказали, что это не так. Сначала они взяли немного. Потом захотели больше. Теперь они забрали самое главное, что есть у нас. Наш Великий Инка у них в руках. И теперь мы знаем, зачем.

Жрец взглянул на золотые деревья.

– Атауальпа не самый лучший Инка. Ты строитель. И ты знаешь, что лучший правитель это тот, кто заботится о крепости стен своего дома, а не о размерах владений. Атауальпа не больше чем воин. Хотя и великий. Но он наш Инка. Сын Инти. Того самого, вокруг которого, как ты говоришь, кружится весь наш мир. Нет Инки, не будет империи. Люди Солнца, я буду называть их именно так, хотят, чтобы мы им отдали золотой сад. И все остальное золото, которое есть в Куско. Ты знаешь, какое условие они поставили нам? Чтобы мы наполнили золотом помещение, в котором закрыт наш Атауальпа. Мы сможем это. У нас хватит золота. Но боюсь, получив выкуп, они не остановятся на том, что получили. Помнишь историю о небесной ламе, которая паслась на звездном лугу? – долгую тираду Ума закончил вопросом.

Конечно, Чинча помнил эту нравоучительную историю об изголодавшемся животном, которое из сострадания пустило на звездный луг. Увидев огромное множество звезд, лама не смогла остановиться и пожирала звезды до тех пор, пока не осталась на небе одна яркая звездочка. И небесным пастухам пришлось бросать ее в землю нескончаемое количество раз, чтобы из зерна снова появились на небосводе звезды. Правда, после того, как Чинча нашел точку солнца, архитектор перестал верить в древние легенды и притчи, полные нравоучений.

– Я строитель, великий Вильяк Ума, но я умею держать в руках и пращу, и копье. И я знаю, что людей Солнца можно остановить только пращой и копьем.

– Я знал, что ты так ответишь, но я велел тебя привести сюда не для того, чтобы выдать тебе оружие, – вздохнул жрец. – Я дам тебе кое-что гораздо более важное.

Для нас это важнее, чем золотой дождь в твоей башне и даже этот золотой сад.

И только тут Чинча обратил внимание на небольшой продолговатый предмет в руках Вильяк Умы. Ничего необычного в предмете не было. Такой жезл, который называли апикай-кипу, был у каждого чиновника в любом уголке Тавантинсуйу. Но этот был гораздо длиннее и массивнее. Правду говоря, он напоминал часка-чуки – боевую булаву, грозу врагов.

– Мы можем потерять все, что у нас есть, – твердо сказал Вильяк Ума. – Мы отдадим людям Солнца золотой сад и еще много из того, что мы имеем. Но эту вещь ты ни за что не должен потерять.

Чинча взял в руки жезл. Он оказался невероятно тяжелым.

– Здесь все, что останется от Империи Четырех Сторон. Запомни это.

Ветер качнул золотые листья, и они мелодично зазвенели, словно вместо ответа.

– И, кстати, о том, что наш мир кружится вокруг солнца, я и так знал. Без твоих сложных эффектов. Впрочем, тебе ведь неизвестно предсказание Инки Виракочи?

«О чем это говорит Великий Ума?» – задумался на мгновение Чинча. Но переспрашивать было поздно. Аудиенция закончилась. Нужно было приступать к работе.

Четыре. Гонка. Автодесант

– Они убили аккумулятор! И порвали коробку передач!

Вадим сообщил своим людям то, что и так было ясно без слов. Машина не заводилась. Начало гонки было многообещающим. Оранжевый автомобиль безнадежно стоял на бетонной разгрузочной площадке, когда мимо него проезжали более счастливые участники самой опасной автогонки на планете.

Виктор, главный механик, уныло глядел под капот, но даже под взглядом его суровых глаз аккумулятор не хотел крутить стартер.

Ситуация была ясна. У малобюджетной команды из Восточной Европы просто не было денег на то, чтобы отправить из Гавра своего механика. Машины сопровождал французский персонал автогонки. Но французским механикам была совершенно безразлична судьба отдельно взятой машины с желто-голубым флагом на борту. Флаг им был неизвестен, и таких автомобилей на борту паромов, следовавших по маршруту Гавр – Лима, было так много, что уделять внимание каждой отдельно взятой не было ни резона, ни желания.

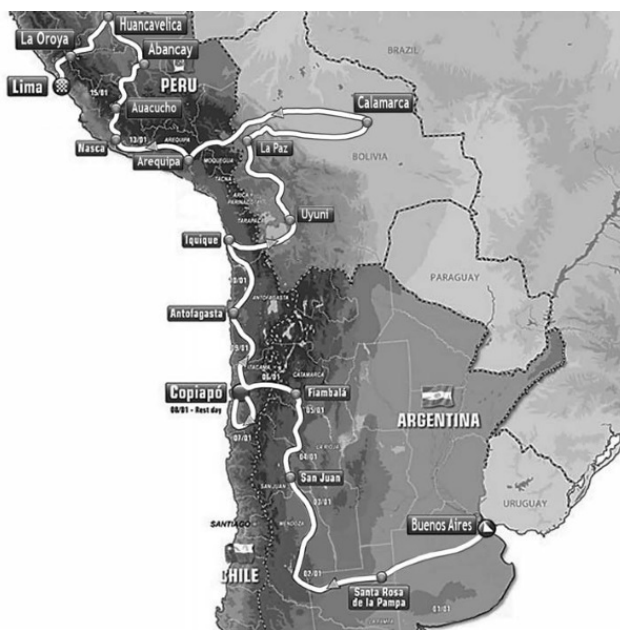
Перед тем, как загрузить машины, французские механики забыли отключить аккумулятор. Когда месяц спустя паром пристал к аргентинскому берегу, оранжевый автомобиль не завелся. Но его все же как-то нужно было спустить на берег. Времени было в обрез. Машина стояла на включенной передаче. Вот так, не выключая передачи, ее и стянули на бетон причала. В итоге порвали коробку передач.

Такая же точно поломка случилась с его машиной месяц назад в Боливии, как раз тогда, когда в неизвестном направлении исчез Норман, и, разозленный вопросами следователя, Вадим рванул в Вадо-дель-Йесо тренироваться на влажном песке реки, отступающей в глубь горной долины. Почему именно туда? Ему понравилось, что название местности созвучно его собственному имени. Он был слишком взвинчен допросами и управлял машиной нервно и неаккуратно. В итоге порвал сцепление и, заплатив Робби, хозяину той машины, огромную сумму денег, вернулся в Украину. Чтобы снова оказаться в Латинской Америке и снова остаться без сцепления.

– What have you done to my clutch box! – попытался возмутиться Вадим, но французский менеджер сделал вид, что не понимает английского. А может быть, он действительно не знал, что там у этого лысого парня с коробкой передач. На причале стояло не меньше чем полтысячи разных машин, и каждой уделять особое время было недосуг. Ну, просто абсурдно. Каждая из машин была уникальной. Некоторые из них всем своим видом словно говорили: «Второй такой, как я, больше в природе не существует». Но явные фавориты гонки в эту формулу не

вписывались. Пять гоночных «туарегов» с аккуратным достоинством стояли в стороне. Каждый из автомобилей, специально созданных для преодоления пустыни, стоил не меньше двух миллионов долларов. Недешевое оружие победы.

Впрочем, машины Вадима даже на этом мощном фоне выглядели достойно. Его гоночный внедорожник только формально назывался «мицубиси». От японской прародительницы в конструкции оранжевого болида остались только фары и лобовое стекло. Машина была похожа на крепко сбитого, коренастого упряmica. У нее был шанс победить. Ей нужна была только победа.

Вот такой маршрут должны пройти гонщики, герои этой книги. Его общая протяженность – более десяти тысяч километров

Уже на причале стало ясно: борьба за победу обещает быть невероятно трудной.

С неба упали первые тяжелые капли дождя и размазали пыль по лобовому стеклу.

– Если заведется, едем на пониженной! – крикнул Вадим из кабины. – Если нет, то как-нибудь на шнурке дотянемся до Буэнос-Айреса.

Валерий отклеился от капота и принялся закреплять конец разноцветного троса под бампером гоночной «мицубиси». Вадим продолжал бесцельно щелкать тумблерами на приборной панели. У команды было чем буксировать оранжевую «мицубиси». Кроме гоночной машины, на южноамериканский континент выгрузили неказистый, но мощный пикап «Л200» и усовершенствованный «паджеро» с четырехлитровым «заряженным» двигателем. Вадим, с его педантичным отношением к языкам, пытался заставить свою команду называть внедорожник правильно: «пахеро», на испанский манер. Но те упорно следовали фарватером стереотипов. «Пусть будет «паджеро», ладно», – сдался лидер команды.

Задача пикапа «Л200» была понятной: кузов был до отказа загружен сменными колесами и запасными частями, главной из которых была вторая коробка передач. Вадим рассчитывал, что ставить ее придется не раньше, чем после четырех тысяч километров гонки, в том случае, если старая не выдержит круиз по феш-фешу – мелкому сероватому песку, легкому и всепроникающему, как цемент. Организаторы гонки разметили маршрут таким образом, что добрая половина трассы приходилась на феш-феш по обе стороны большого Андского хребта. Но нерадивые французские докеры внесли свои коррективы в планы Вадима, и он совершенно отчетливо понял, что выигрыш в гонке будет просто чудом. Если, конечно, будет.

Рядом загружал свой «унимог» Марко Стампа. У этого гибрида грузовика и трактора было еще меньше шансов победить в классе тяжеловозов, чем у Вадима, соревнуясь без запасной коробки с внедорожниками самых подготовленных команд гонки, «фольксваген» и БМВ. Но Марко был уверен, что так или иначе дойдет до финиша. А это уже можно считать успехом. Именно поэтому Вадим и нанял Марко вместе с его грузовиком.

Стампа уже десятый раз выходил на трассу самой престижной автогонки мира. «Главное – не победа, а участие», – любил он повторять устную формулу физкультурников всего мира, ведь спортсмен всегда стремится к победе, а физкультурник довольствуется участием. Для Марко участие в гонке давно уже стало прибыльным бизнесом. Он придумал, как можно заработать деньги там, где большинство гонщиков вынуждено их тратить в огромных количествах. Его «унимог», формально являясь гоночным грузовиком, был набит запчастями, колесами, инструментами, а в его экипаже состояли механики, уровню подготовки которых мог бы позавидовать менеджмент явных фаворитов. И если у кого на трассе случалась неприятность, Марко был тут как тут. А с Вадимом ему несказанно повезло. Он смог продать свои услуги оптом, вместе с грузовиком и механиками. По контракту, подписанному за три месяца до старта в Париже, выходило, что француз итальянского происхождения Марко Стампа становился пилотом украинского грузовика. На борт «унимога» наклеили желто-голубой флаг, на робы механиков нашили тризубые гербы. Стампа должен был дойти до финиша и помочь то же самое сделать экипажу оранжевой машины.

«Ох и подвезло же мне с этим украинцем», – про себя повторял Марко и подбадривающе улыбался Вадиму: мол, не бойся, прорвемся, доедем до финиша. Украинец спас его от разорения. Дома, во Франции, прекратила существование небольшая строительная фирма, принадлежавшая Марко, доходы от которой позволяли франкоитальянцу безбедно существовать в период между гонками. Вадим, с его пятьюдесятью тысячами, заплаченными за услуги Марко, оказался как нельзя кстати.

Команда – это дорогая игрушка. У иных годовой оборот измеряется в десятках миллионов долларов. По меркам своей страны, Вадим считался состоятельным человеком, но все-таки миллионные вложения казались ему непосильными. Пока что. И, тем не менее, у гонщика получилось сложить команду. У него был внедорожник для выступления в классе «суперпродакш», где соревнуются агрегаты, напоминающие серийные автомобили весьма отдаленно. У него был грузовик, который, конечно, уступал в скорости фаворитам, но, в силу особенностей конструкции, мог спокойно, без серьезных поломок пройти всю дистанцию в десять тысяч километров по самому разнообразному бездорожью. Хозяева этого автомобильного квеста постарались подобрать маршрут так, чтобы все прелести нетореных дорог Латинской Америки достались гонщикам. Не слишком скоростной «паджеро» при случае мог быть внесен в список гонщиков в классе «продакшн», несколько более похожих на серийные автомобили, чем внедорожники-«суперпродакшн». Эта машина тоже была укомплектована экипажем. Ее называли донорской: она должна ехать вслед за «боевой» и, в случае поломки, щедро предоставлять свои детали для машины Вадима. Все для победы.

Но сейчас о победах говорить было рано. А приключения хороши лишь тогда, когда заканчиваются хорошо. Чем закончится поломка коробки передач, Вадим не знал и даже не хотел об этом думать.

Пока вытягивали трос, Марко на своем грузовике исчез в дождливой серости портовой дороги. Пришлось шнурок цеплять к пикапу «Л200». Работяга медленно, но уверенно потянул за собой оранжевый внедорожник. Вслед за ним двинулась кавалькада из остальных автомобилей команды. Влад, водитель «паджеро», сидел за рулем и видел, как навстречу летят белые прерывистые полосы дорожной разметки. Зрелище было завораживающим, особенно из-за дождя, который превращал обзор за лобовым стеклом в картину экспрессиониста, распадающуюся на цветовые пятна.

– Дорога, как палитра, – бормотал Влад, вцепившись обеими руками в руль. – Хорошее начало для статьи. – Втайне он мечтал стать журналистом и однажды написать о гонке. А сознание, между тем, подсказывало по-водительски соленый каламбур, пародию на собственную гениальность: «Дорога, как пол-литра!»

В отель приехали поздно. На улице Морено, возле «Интерконтиненталя», все пестрело от разноцветных гоночных автомобилей. Мест на парковке не было. Ну, а когда дотянули оранжевую «мицубиси», то поставить ее было абсолютно негде.

– Ёшкин кот, – незлобно выругался главный механик Валера. Он никогда не произносил матерных слов – что само по себе удивительно в среде людей, имеющих дело с механизмами, – зато всегда имел в запасе бесчисленное количество двусмысленных выражений и оборотов с разной степенью эмоциональной окраски. И в данном случае не имело значения, кто такая эта загадочная Ёшка и что у нее за кот. Пар спущен, эмоциональный баланс восстановлен.

Но проблемы это не снимало. Машины все же нужно определить на ночевку. Ни один служащий гостиницы не нашелся, чем помочь команде. Машины перегородили улицу, благо, была суббота, и обычный для этого времени дня трафик уже схлынул. Лишь только продавец из соседней с гостиницей лавки спокойно улыбнулся и на ломаном английском посоветовал поставить машины на обычную стоянку. «Прямо, – уно, дос, трес, – три квартала, потом курва, а ла деречо, направо, и сразу паркинг. Вы увидите».

– А «курва» это кто? – спросил Валерий.

– Не «кто», а «что», – уточнил пилот. – «Курва» – это поворот по-испански.

Валерий скептически покачал головой, уловив среди множества испанских слов, произнесенных торговцем, выражение «курва эс проебида».

И все же они смотрелись красиво, эти разноцветные машины, когда стояли рядом друг с дружкой на стоянке. Сине-белый «пресс-кар», оклеенный логотипами телеканалов и радиостанций, черный пикап «Л200», щедро предоставивший свои бока для названий всевозможных нефтяных компаний, и, конечно, оранжевый «болид», который вся команда дружно прозвала БМП – боевой машиной победы. Мощные, уверенные, раскрашенные в цвета спонсоров, они заставляли собой любоваться, приковывая взгляд. У гонщиков значительно поднялось настроение.

– А не пойти ли нам выпить... – предложил Валера, но тут же осекся, – ...кофе?

В команде действовал сухой закон. Соблюдать безалкогольный режим согласились даже механики, правда, с большой неохотой.

Кафе нашлось рядом со стоянкой, по дороге в гостиницу. Собственно, это было не кафе, а так, металлические столики на плитах тротуара. Они неловко жались к стене здания, оставляя пешеходам едва ли половину узкого тротуара.

Несмотря на то что прохожие своими темпераментными движениями едва не выбивали чашки с кофе из рук у гонщиков, настроение у тех было в полном порядке. Машины пристроены, кофе хорош на вкус, город весел и слегка беспечен. Любой человек на месте этой команды почувствовал бы прилив оптимизма.

– Как называется этот сорт кофе? – спросил Вадим официанта, потягивая коричневую жидкость.

– Пайтити, – бросил тот, пробегая мимо с подносом, на котором едва держался очередной заказ.

«Забавное название», – подумал гонщик и тут же забыл его.

Через полчаса, невзирая на кофеин, он уже спал, посапывая, на мягкой белой постели.

Dos. El juego con las piedras

В ту ночь Чинча остался в Куско. Он очень устал за время своего путешествия от Мачу-Пикчу до столицы Тавантинсуйу, и, хотя дела требовали его присутствия в горной цитадели, он решил не торопиться. Нужно было отдохнуть и, конечно, нужно было подумать над словами Вильяк Умы, произнесенными в золотом саду. Что он имел в виду, когда говорил о том, что от Тавантинсуйу ничего не останется? Когда Империя Четырех Сторон покоряла земли на севере и на востоке, то побежденные и победители делились друг с другом всем тем, что умели делать. Так создавался великий народ империи, и каждая отдельная часть этого народа всегда помнила о своих предках и о своих знаниях. Главное, чтобы новые провинции приняли закон Великого Инки, а он был очень прост: «Не лги, не ленись, не воруй». К этим трем столпам порядка часто прибавляли и четвертый «Не убий», но соблюдать это правило было сложно, особенно на войне. Хотя, размышлял Чинча, если разобраться, все наши войны были уж если не совсем бескровными, то, в крайнем случае, такими, в которых победа доставалась малой кровью. И все больше убеждением. Так размышлял Чинча, пытаясь в логику своих мыслей втиснуть факты истории Тавантинсуйу. Это не совсем получалось, потому что всякий раз ему мерещились казненные вельможи царства Кито, которое так не хотело становиться частью Северной Провинции. Чинча не мог заснуть. Через открытую дверь гостевой комнаты в храме ветер доносил обрывки разговора с улицы. Молодой паренек говорил с девушкой. Он рассказывал ей, что ее красоту ни с чем не сравнить, и что он готов говорить об этом всю оставшуюся жизнь. А девушка ему на это отвечала, что лучше бы ее кавалер вместо разговоров научился хорошо вскапывать землю, тогда бы и урожай был больше, а богатый урожай, как известно, всегда лучше слов, хотя и таких красивых, как эти, которые от него она только что услышала.

Все в Куско было, как всегда. О том, что придется отдать золотой сад людям с востока, никто, похоже, не сожалел. В конце концов, золото можно еще раз превратить в деревья. В Тавантинсуйу было достаточно искусных мастеров, которые могут сделать это. Отличных мастеров, особенно из царства Кито, которое, хотя и не хотело быть под рукой Инки, но вошло в его пределы.

Чинча встал с деревянной скамьи и, постояв минуту перед полуоткрытой дверью, толкнул ее вперед. Он захотел рассмотреть эту молодую пару, которой не спалось среди обычного ночного безмолвия Куско. Но когда строитель толкнул вперед дверь, то на улице уже никого не было. В городе было тихо, и Чинче на мгновение показалось, что этот уличный разговор – плод его воображения или задумчивой полудремы.

Атауальпа, 14-й Великий Инка (правитель) Тавантинсуйу. Взят в плен отрядом Франсиско Писарро 15 ноября 1532 года в битве при Кахамарка, а 26 июля 1533 года казнен. Не был законным правителем, поскольку отобрал трон у брата Уаскара и приказал умертвить его

Возвращаться в постель не хотелось. Чинча не торопясь пошел вниз по каменной мостовой по направлению к центральной площади. Было прохладно, пожалуй, даже холодно. Строитель поежился, но все же решил не возвращаться за шерстяной накидкой. Площадь была почти рядом.

Ночная прогулка имела свою цель, хотя и довольно странную. У архитектора была своя тайная традиция, на первый взгляд, всякий раз, пребывая в Куско, выходить на площадь и любоваться особой каменной кладкой. Стены домов на площади были сложены из огромных валунов совершенно разнообразной формы. Казалось бы, повторить изгиб каменных линий невозможно. Но те, кто строил дома в Куско, сумели подобрать камни таким образом, что стык был просто идеален. Камни, которые в природе хаотично лежат на поверхности земли, здесь формируют идеальное сочетание друг с другом и с остальной архитектурой.

Положи ладонь на камень, говорил себе Чинча, и проводи по серой шероховатой поверхности стены. Ощути плотность подгонки камней и намеренно изошренный ломаный рисунок соединений. Пойми, для чего это сделано. Впрочем, Чинча и так знал принципы крепления гигантских глыб, из которых был сложен город. Блоки с такой силой давили друг на друга, что в щели между ними не могло бы войти даже острие копья. Неправильный, казалось бы, порядок соединения позволял камням держаться друг за друга даже в случае землетрясений. Говорят, в древности, еще до того, как предки народа Тавантинсуйу вышли из озера Титикака, тут бывало так, что земля тряслась с огромной силой, сбрасывая с себя могучие горы. Но сейчас горы не собирались падать, между тем, настроение у Чинчи было такое, что впервые за все время ему не хотелось ничего делать. И только размышлять о будущем. И будущее надвигалось на Куско вместе с необычными людьми. Они оказались сильнее. А почему, думал Чинча? И размышляя, приходил к выводу: сила этих странных людей заключалась лишь в том, что они не соблюдали ни одного из простых законов Тавантинсуйу. Ни одного. Поэтому огромное войско Инки не могло ничего поделаться с горсткой жестоких существ, не признающих никаких правил. Строитель отчетливо понял – Ума прав. Люди Солнца хотят взять все.

«Почему они не такие, как мы? – спрашивал себя Чинча. Из зерна первого вопроса логично пробился росток второго: – А почему мы должны были ждать от них похожести на нас?»

Он никогда не видел людей Солнца, но внимательно прислушивался к рассказам о них. Из разных слухов, обрывков разговоров и разрозненных описаний строитель составил общее представление о том, как выглядят эти люди. И хотя он догадывался, что реальность отличается от представлений о ней, Чинча предпочитал опираться на собственную фантазию, поскольку больше не на что было опираться. Он нафантазировал себе высоких воинов с крупными чертами лица, одетых в блестящие доспехи и шлемы. Солнце отражается в нагрудных пластинах и на гребнях шлемов. Они отбрасывают солнечный блеск прямо в глаза врагов, тем самым помогая воинам побеждать. Этих людей немного, но они невероятно сильные и могущественные, обладающие необычным оружием. Бесстрашные.

Только бесстрашные могут отважиться пройти небольшой группой огромные расстояния во враждебном окружении. И они не остановятся ни перед чем. У них не существует морали, обязательств и страха. Если и было все это в их прошлом, то, вероятно, люди Солнца с легкостью это отбросили. И пошли вперед. И они готовы пойти еще дальше ради достижения своих целей.

«Может быть, мы живем неправильно? – размышлял Чинча, а его рука, словно произвольно, гладила камни. – Мы живем, подчиняясь простому закону «Ама льюйя, ама сува, ама кейя» – Не воруй, не лги, не ленись. Может, все наши простые законы ни к чему, и жить надо еще проще, совсем без законов?

Мы с нашей великолепно организованной армией и грандиозными победами в прошлом проигрываем кучке людей в блестящих шлемах на головах и с приспособлениями, которые убивают трусливо, на расстоянии. Может быть, это они устроили свою жизнь правильно, а мы – нет, может быть, судьба нас столкнула с ними, чтобы уничтожить в нас гордыню?»

Размышления Чинчи не имели ни смысла, ни цели. Рассуждать в том же духе можно было бесконечно, но архитектор предпочитал не тратить времени впустую. Он решил, что время возвращаться в гостевую комнату, потому что дверь оставил открытой. Нет, он не боялся воров. В Куско вообще не воровали и даже не знали, что такое замок и ключ. Строитель беспокоился, что очаг потухнет, и в комнате моментально станет прохладно, а ему после неожиданной прогулки без накидки нужно будет согреться.

Чинча развернулся и двинулся в сторону от дворцовой стены. Луна в небе светила так ярко, что затмевала звезды, но зато на земле было все видно почти как днем. Не успел архитектор сделать и несколько шагов, как посреди площади увидел неподвижно сидящего человека. «Странно, как я его не заметил по дороге сюда», – удивился строитель. Впрочем, фигура на площади была не так уж неподвижна. Человек сидел на камне и глядел куда-то вниз, туда, где были ступни его ног. На плече у него лежало тяжелое копье, и человек время от времени поправлял его, видимо, для того, чтобы переложить немного удобнее. Это был охранник из дворца. Охранять было некого. Вот уже несколько дней, как Атауальпа вместе со своими телохранителями находился в плену у людей Солнца. Вильяк Ума намекнул, что за свободу Великого Инки враги просят большой выкуп. Двор Инки пребывал в панике, но тихой, скорее, похожей на оцепенение, чем на буйное безумство страха. Ума был единственным из тех немногих вершителей судьбы Империи Четырех Сторон, кто сумел сохранить разумное спокойствие. Оценив ситуацию, Верховный жрец распустил большую часть дворцовой охраны за неимением человека, нуждавшегося в ней, и оставил не более десяти воинов. На всякий случай. Грабежей во дворце Вильяк Ума не боялся. Люди в Куско не тронули бы даже все сокровища мира, если бы знали, что они принадлежат другим.

Этот охранник посреди площади, очевидно, был одним из тех десяти или двенадцати воинов, которых оставили во дворце. Но почему он не на своем месте? Чинча подошел поближе. Человек с копьем на плече сидел на краю большого валуна, обтесанного и подготовленного для того, чтобы установить его в одной из стен дворца. Перед охранником на песке лежали несколько небольших круглых камешков примерно одного размера. Воин глядел на

них, потом целился и, взвесив на ладони такие же камни, бросал их навесом в лежащих у ног собратьев. Они падали на песок и, несколько раз перевернувшись, останавливались, ударившись о цель. Похоже, вооруженный человек играл, и эта игра всецело занимала его. Взгляд охранника был напряжен, копьё на плече только мешало, левая рука шевелила пальцами, напряженно перекачивая готовые к метанию снаряды, а потом перекладывала их в правую. Когда камешек проходил мимо цели, воин ничем не выказывал свою досаду, а когда попадал, напряженное выражение на его лице не сменялось радостной мимикой триумфа. Казалось, он был вполне доволен самим процессом игры, и только ему одному был понятен ее смысл.

Иногда траектория движения камней была довольно причудливой, и Чинча мог сделать вывод, что чем более круглыми были бока снаряда, тем точнее он попадал в цель. Растратив все камни, воин, не торопясь, поднимался с места, подбирая их, оставляя лишь некоторые лежать на земле, а потом снова усаживался на край валуна и принимался за свое, казалось бы, бесцельное занятие.

Чинча тихо подошел еще ближе. Но остаться незамеченным ему не удалось.

– Интересно у меня получается, – сказал охранник Чинче таким тоном, будто бы продолжал прерванный разговор. – Если камни сталкиваются, тот, который я бросаю, останавливается. А тот, о который мой камень ударяется, начинает катиться.

– И что тут интересного? – спросил Чинча.

– Интересно то, что чем сильнее я бросаю первый камень, тем дальше катится второй. Но как бы сильно и далеко я его не бросал, первый в любом случае останавливается, – пояснил воин.

– И так всякий раз без исключений?

– Похоже, что так.

– Ану-ка, дай попробую, – Чинча уселся на каменное сиденье рядом с охранником. Тот протянул ему горсть мелких камней.

Строитель взвесил снаряды в ладони. Они приятно чиркнули друг о друга, словно ото-звались. Чинча точно так же, как и воин, с которым он говорил, переложил камни из левой руки в правую, а потом с легкостью, навесом, бросил свой снаряд в сторону уже лежавших на земле. Первый камень, подкатившись ко второму, сталкивал его и словно становился на его место. Сначала Чинча подкатывал камни легко и аккуратно, потом все сильнее и сильнее. И ничего не менялось. Один сбивал другой и оставался лежать примерно в точке соприкосновения.

– Никогда не замечал подобного, – удивился Чинча вслух.

– Мы вообще многого не замечаем, – саркастически заметил воин. Непонятно было только, кому он адресовал свой сарказм.

– Ты о чем, солдат? – немного высокомерно спросил Чинча.

– Да так, ни о чем, – с вызовом ответил воин, смерив архитектора взглядом с ног до головы. Потом замолчал ненадолго и сказал:

– У нас все так. Мы разучились думать. Живем по правилам, установленным сотни лет назад. Неизвестно кем и неизвестно когда. Делаем то, что предписано. А почему так поступаем, непонятно. И если закон не может объяснить те удивительные вещи, которые происходят вокруг, то мы их не замечаем. Словно их нет. Но они ведь есть. Легче жить не думая и зная, что порядок превыше всего. А я думаю, мир больше, чем империя.

– Конечно же больше, – согласился Чинча, чтобы не разозлить солдата: все-таки у него в руках было копьё.

– Я и так понимаю, что размерами он больше. Но я не о размерах. Я о том, что мы не хотим знать, насколько он велик. Вот, например, люди Солнца.

«О! – подумал Чинча. – Наконец-то ты заговорил о том, что на самом деле тебя волнует».

– Люди Солнца, – продолжал солдат. – Они нас разгромили не потому, что были сильнее нас, а потому, что знали, как играть в сражение, как нагнать на нас страх и как обвести вокруг пальца.

Чинча хмыкнул. Его раздражали люди, побеждающие других с помощью обмана.

– А ты не смейся, человек, – сощурил глаза солдат. – Они умные и знающие люди. А мы? Мы предпочитаем не замечать очевидные явления вместо того, чтобы двигаться вперед.

И воин сплюнул, а потом снова запустил шар. Он покатился, ударив своего более массивного товарища, и занял его место. «Это нужно использовать», – задумался строитель. Твердый шар стал центром мира. На одно бесконечно долгое мгновение.

А потом, разобравшись в своих чувствах, Чинча вдруг обнаружил, что солдат его раздражает своими рассуждениями. «У каждого свое место, у каждого свой цвет накидки, каждый подчиняется порядку и тем, кто его олицетворяет», – говорил Чинча сам себе. Другая половина его сознания робко спорила с этим, напоминая строителю, что сам он низкого рода, а ведь пробился же наверх, – ну, не на самый, конечно, а так, подобрался к вершине, – и вот сегодня его принимал сам Великий Ума в священном храме под сенью золотых деревьев. Строитель хотел было одним произнесенным словом поставить много воображавшего о себе воина на место, но осекся. Почувствовал, видно, что не то наступило время в Тавантинсуйу, чтобы напоминать друг другу о незыблемой иерархической пирамиде. К тому же она оказалась не такой уж и незыблемой, если простой копьеносец может поносить империю на центральной площади Куско. И он, Чинча, тоже хорош. Заявил под сенью золотых деревьев (впрочем, сень деревьев уже появлялась в мыслях строителя), что природа устроена совсем не так, как думали Великие Инки, начиная с древних времен и заканчивая современностью. Так что же, архитекторам можно сомневаться и делать открытия, а солдатам нельзя? Да, нельзя, спорил Чинча сам с собой, и однажды все вернется на свои места. А значит, я сделаю это.

– Встать, – произнес Чинча вполголоса.

Мачу-Пикчу, затерянный город инков, был обнаружен в 1911 году археологом Хирамом Бингхемом. Настоящее его название неизвестно. Мачу-Пикчу (то есть Старая вершина на кечуа) – это название горы, под которой и стоят эти удивительные строения. По их архитектуре можно понять, каков был первозданный вид зданий в столице империи Куско

Солдат поморщился от непонимания. Послышалось, что ли?

– Встать! – сказал архитектор тверже.

На этот раз воин встал. Но не для того, чтобы выполнить унижительный приказ. Его ладонь сомкнулась на копье. Одним резким движением солдат рванул оружие на себя и направил его на этого наглого прохожего. Чинча сделал ответное движение, и в руке у него оказалось

– нет, не копье, и даже не нож. Из-за перевязи, которая сжимала легкую накидку на поясе, Чинча достал нечто, что произвело на солдата гораздо большее впечатление, чем любое оружие. Увидев этот предмет в руках Чинчи, воин бросил копье и упал на колени, закрыв ладонями лицо.

– Я же приказал тебе встать, а не падать, – почти примирительно промолвил архитектор.

Солдат убрал ладони от лица и испуганно переводил взгляд то вниз, то вверх. Вот оно, лицо прохожего, а вот и то, что у него в руке. Но так быть не должно. Или это знак меняющихся времен? Предмет в руке у Чинчи, словно каменный шар, нанес удар по сознанию слишком мудрого солдата, и он в одночасье отупел. Не иначе.

– Встань, – начал злиться Чинча.

Воин встал.

– Возьми в руки копье.

Солдат выполнил приказание.

– А теперь идем со мной. Ты нужен Тавантинсуйу. И ты нужен мне.

В самом центре огромной площади остались причудливые узоры траекторий, сплетенные каменными шарами на вулканическом песке.

Пять. Любимый город

«Буэнос-Айрес – это лучший город на земле. Впрочем, так говорить некорректно. У каждого человека есть своя урбанистическая любовь. Кто-то любит Нью-Йорк. Его бешеный темп и страстный пульс деловой жизни. Я, например, его не очень люблю. Среди его параллелей и перпендикуляров чувствуешь себя, словно муравей, заблудившийся в электронной плате какого-то очень мощного гигантского компьютера. Эффект усиливается, когда поднимаешь голову вверх и видишь бесконечные этажи одинаковых – так кажется оттуда, где стоит наблюдатель, – строений. Но это дело вкуса. Один мой приятель, например, утверждает, что, покурив гашиш на закате, можно наблюдать, как солнце теряется в гигантских зданиях и открывает истинное устройство мира, но я думаю, в его случае давно и явно зависимого от травы человека совсем необязательно для этого отправляться в Город Большого Яблока.

Некоторые любят Париж. Я говорю не о снобах, слишком часто вставляющих к месту и не к месту нечто вроде «Вот я однажды в Париже...» и рассказывающих далее о том, насколько велики цены и насколько малы порции в парижских ресторанах (как будто бы в других мировых столицах все наоборот). А кроме Буэнос-Айреса я люблю еще и Киев. На мой взгляд, самый демократичный город, обнимающий своими зелено-мохнатыми днепровскими берегами любого, кто хочет предложить ему еще один роман с вновь прибывшим завоевателем места под солнцем».

Вот что думал Вадим, прислушиваясь к бессоннице большого города. Потом открыл толстый еженедельник, в который заносил свои мысли и наблюдения, и написал:

«Вспомнил – есть все же на нашей планете город с маленькими ценами и большими порциями! Называется он Буэнос-Айрес».

Вадим очень любил Буэнос-Айрес, но, конечно, не за ресторанные меню. И не за пары, танцующие танго в разноцветном квартале Ла Бока, причем, зачастую лучше, чем в Театро Танго, в самом центре столицы, на Авениде Девятого Июля. Любовь Вадима объяснялась весьма прозаически. По его мнению, площадь Конституции была идеальным местом для старта гонки. Здесь удобно размещался подиум, который был виден всем желающим без исключения и с любой точки шумных окрестностей. Удобный подъезд к подиуму, широкий разбег и прыжок с подскоком, как на трамплине. А потом приземление на крепком асфальте магистрали. Колонна в центре площади это неплохой ориентир. Водители, в ожидании въезда на подиум, могут хорошо рассмотреть ее издали. Это важно, потому что очередь из пятисот машин рас-

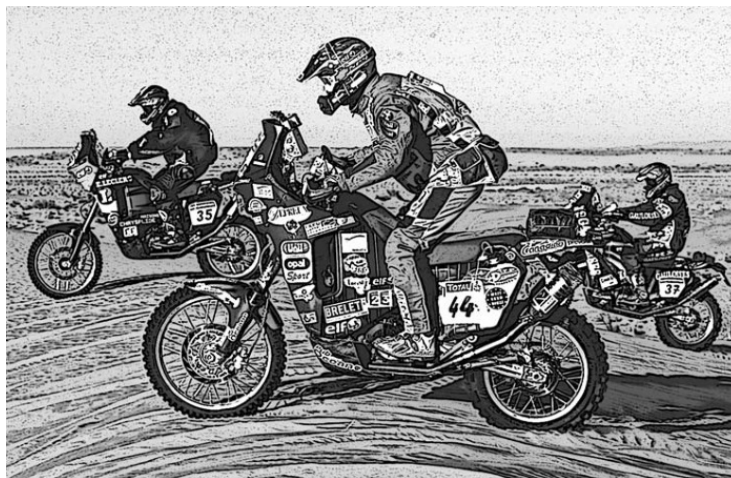
тягивается почти до улицы Освободителя. Так здесь величают генерала Сан-Мартина, выбившего испанцев из Аргентины, ведь, как известно, в Латинской Америке у каждой себя уважающей страны должен быть свой Либертадор, на том и держится национальная гордость всех латиноамериканцев вообще. Это забавно, трогательно и любопытно.

А еще в Буэнос-Айресе есть памятник Хуану Мануэлю Фанхио, человеку, который четыре раза (так и хочется сказать «подряд»!) выиграл Формулу-1. Было это в пятидесятые годы, и аргентинского гонщика воплотили в бронзе вместе с его антикварной, по нынешним меркам, машиной. Легенда автоспорта стоит возле своего болида, поставив ногу на победоносный агрегат. Бронзовые волосы словно разметал атлантический ветер, а свой шлем гонщик держит под мышкой. Он изображен в полный рост, и это обстоятельство подстегнуло Вадима слегка пошутить. Гуляя накануне старта со своей командой возле старых доков, он подошел к победителю Формулы-1 и накинул ему на плечи свою куртку с отличительными знаками команды. Потом в дело пошла кепка. Она налезла с трудом, а вот куртка оказалась чуть широка в плечах. Валера, главный механик команды, бросился было фотографироваться с бронзовым гонщиком, для чего достал из сумки припасенную заранее бутылку шампанского, на случай победы в гонке. Радость великовозрастных хулиганов была прервана полицейским нарядом, который вежливо, но настойчиво предложил гонщикам спрятать алкоголь, снять тряпки, да и вообще убираться отсюда подальше. Валера уже готов был вступить в конфликт со служителями аргентинского закона, но Вадим, остановив его, примирительно улыбнулся. «Эсто бьен, тьененте», – сказал он полицейскому, который, очевидно, вел себя увереннее остальных двух, а значит, был главнее. Вадим же, назвав его «тьененте», повысил обычного патрульного до офицерского звания, чем явно потешил профессиональное тщеславие.

Все здесь необычно, но к странностям Буэнос-Айреса очень быстро привыкаешь. Вот, например, канун Нового года. Это нечто совершенно невообразимое. Накануне праздника аргентинцы обычно хотят оставить в старом году все свои неурядицы, проблемы и, конечно, долги, поэтому счета прошедшего года нещадно кромсаются на мелкие кусочки, а затем выбрасываются прямо в окошко. Ничего, что внизу улица и на ней полно прохожих. Им на голову сыплются напоминания о необходимости заплатить за газ, угрозы отключить телефон в случае неуплаты, письменные советы электрической компании поставить новый счетчик и – о, эти сложные взаимоотношения с законом! – штрафы за парковку в неположенном месте, за перебор скорости и за отсутствие аптечки в автомобиле. Ну, а поскольку финансовые документы в Аргентине разного цвета, в зависимости от названия компании, то и снегопад, или, точнее, «бумагопад» получается разноцветным, похожим на новогоднее конфетти. Под лавиной измельченных счетов хочется веселиться, танцевать, обниматься с рядом стоящими людьми и вообще любить весь мир. И очень даже хочется, чтобы весь мир был похож на сплошной новогодний Буэнос-Айрес. Вполне достойный объект для любви.

Вадим нуждался в Нормане. Главным образом потому, что собственных знаний испанского ему хватало только на разговоры с полицейским. Но метиса до сих пор искала полиция в боливийском Санта-Крусе. Вадиму почти каждый день звонил комиссар боливийской полиции, неприятный тип с помятым лицом. И по нескольку раз в день жена Нормана. «Я обещал ему, что мы проедем по Латинской Америке вместе. И обещание не выполнил».

Шесть. Гонка начинается

Старт гонки был назначен на 1 января. Влад на пресс-каре отправился на площадь Конституции, а Вадим с Валерой и Виктором помчались в знаменитый Ля Рураль, огромный выставочный комплекс, чем-то напоминавший Выставку достижений народного хозяйства. Собственно, ею он и был. В Ля Рураль проходила ежегодная сельхозвыставка, самая большая в Латинской Америке. А с некоторых пор территорию комплекса отдавали гонщикам. Здесь проводили техосмотры машин перед стартом, здесь же было предусмотрено место для «парк ферме» – закрытой площадки, куда после контроля болидов гонщиков пускали только перед стартом.

Обычно Вадим крутился в Ля Рураль с утра до вечера. Его оранжевый аппарат быстро прошел техконтроль и, получив номер 394, занял место на закрытой площадке. Гонщик занимал себя разглядыванием чужой техники, которая выглядела иногда странно, а иногда и забавно. Блестящие капоты, казалось, скрывали под собой инопланетные технологии, хотя, конечно, бывалого автомобилиста здешние агрегаты могли удивить формой, но никак не содержанием.

– Что за машина? – кивнул Вадим китайцу, стоявшему рядом с автомобилем на невероятно высоко приподнятых рессорах.

Маршрут гонки «Дакар-2014» лишь немного отличается от вымышленного маршрута, описанного в этой книге. Это самая сложная и продолжительная гонка в мире, в которой большой удачей считается, если гонщик пройдет все этапы и сумеет, пускай и не в числе первых, но финишировать. На языке профессионалов это называется «доезжать»

– «Тойота». Была, – улыбнулся парень с красным флагом и иероглифами на куртке из жесткой кожи. Он, оказалось, вполне сносно говорил на английском. – Рессоры поднимали под песок, чтобы не забивался. Посмотрим, как дойдет.

«Посмотрим», – подумал про себя Вадим, вспомнив о том, что машины с диковинным тюнингом и странными приспособлениями выбывают, как правило, на первых этапах гонки.

– Мы в первый раз, – словно извиняясь, продолжал китаец. – На выигрыш не рассчитываем. Главное, дойти до конца гонки.

Вот так же говорил и Вадим, когда в первый раз оказался в Буэнос-Айресе. Ну, что же, однажды он дошел до конца, а теперь настал черед подумать о победе, о том, чтобы в конце пятнадцатого этапа гигантского ралли-рейда оранжевая машина смогла въехать на подиум так же легко, как она собирается стартовать с площади Конституции. Китаец отвлекся от собеседника и полез под капот.

А Вадим пошел к знакомым пилотам багги. Кивнул по дороге Робби Горовицу, расхваливавшему свой «хаммер» перед журналистами. Пожал руку Насеру аль Захери, по прозвищу Неистовый Араб. Насер, не любивший проигрывать, выжимал из машины все, до последней капли возможности. Он постоянно попадал во всевозможные истории. Терялся в пустыне. Тушил пожар в салоне. Делал сальто с полным переворотом. Но из всех своих приключений выходил сухим, словно гусь из воды. Находил колею среди феш-феша. Сбивал пламя на двигателе. Сделав полный переворот, становился на колеса и, конечно, ехал дальше. И забирал главный приз. Человек пустыни, он чувствовал песок и ехал не по правилам, установленным производителем машин, а по подсказке своей арабской интуиции. За это его не любили судьи, но любили журналисты. А хозяева команд предлагали огромные гонорары за то, чтобы Неистовый Араб пилотировал именно их автомобили. Насер из года в год появлялся на гонке с разными логотипами на форме. И пересаживался то с гоночного «туарега» на болид БМВ, то с баварского железного коня на сомнительную лошадку «мицубиси», то менял японских хозяев снова на «фольксваген-туарег». И снова ехал только вперед.

Одна машина привлекла внимание Вадима больше других. Этот автомобиль походил на болид украинца так, словно сошел с конвейера вслед за ним. Хотя какой же конвейер в ателье

«Фастер»? Каждую машину парижские дизайнеры любовно собирали на стапелях в отдельном помещении, за что и брали невероятных размеров гонорары. А этот двойник явно был сделан теми же мастерами из компании «Фастер». Вадим хотел было поговорить с владельцем машины, но так и не нашел его. Автомобили можно было спутать: двойник тоже имел окрас цвета спелого апельсина.

Tres. El Comodoro y el Emperador

Странно все же, что его постоянно рисовали в шлеме и с окладистой бородой. На самом деле он не любил носить тяжелый шлем и воинам своим приказывал надевать доспехи только тогда, когда в сопровождении своего отряда отправлялся к вождям Тавантинсуйу на переговоры. Латы и шлемы всякий раз производили на них впечатление – необычным для здешних мест внешним видом, тем более, что среди аборигенов еще ходили легенды о бородатых воинах солнца, пришедших издалека, а именно с востока. Возможно, до испанцев кто-то уже побывал здесь, а возможно, это просто стечение обстоятельств. Но Франсиско не занимал себя размышлениями на этот счет. Он просто использовал сложившуюся ситуацию. Как хороший командир. И растительность на подбородке он, кстати, не запускал. На шее под курчавой бородой было слишком жарко и потно, а командир не любил, когда волосы прилипали к коже, и состригал бороду до приемлемой длины. Так же поступали и его воины, впрочем, не все, а те, кого легкость и доступность побед над многотысячным противником еще не расслабила и не развратила жадность до богатых трофеев. За трофеями охотился и сам командир, правда, его интересовали и другие диковины этой империи.

Он каждый день беседовал с Атауальпой и не переставал удивляться тому, насколько этот царь дикарей быстро учится испанскому. Франсиско предложил было Великому Инке обучаться вместе. Испанский в обмен на кечуа. Но очень быстро конкистадор понял, что уступает своему пленнику в скорости запоминания слов и предложений. Постепенно испанский становился главным инструментом их общения. Каждый вечер Писарро и Атауальпа вели долгие беседы. И день за днем все меньше и меньше им приходилось обращаться к помощи переводчика.

Однажды они сидели на каменной веранде, которую велел построить Писарро, предпочитавший открытый воздух грубым интерьерам комнат своей резиденции. Над поселением конкистадоров небо стало бронзовым, а потом серым. И внезапно его разрезала полоса холодного белого огня. Она тянулась вслед за шарообразным ядром и расширялась в хвостовой части. «Комета», – вздрогнул Писарро, выговорив про себя это ужасное слово. Испанцы, сидевшие перед резиденцией, встали, опершись на копья, и хором ахнули. Писарро остался невозмутимым. Внешне. Но его тяжелые руки задрожали. И Атауальпа заметил эту дрожь.

– Не волнуйся. Это моя комета.

Франсиско подумал, что не понял короля из-за трудностей перевода.

– Несколько лет назад мне предсказали, что я стану Великим Инкой и буду им оставаться до тех пор, пока небо не загорится.

Писарро внимательно слушал собеседника.

– И вот небо загорелось, – проговорил Атауальпа. – Все в нашем мире происходит так, как говорил мне мой отец.

Предводитель конкистадоров ничего не сказал и послал за вином часового, стоявшего невдалеке. Когда собеседникам поднесли два серебряных кубка, Атауальпа, прикрыв глаза, улыбался небу. Казалось, он погрузился в сон. Писарро не стал будить своего пленника. Комета довольно быстро удалилась с небосвода, и он снова стал походить на черное поле, усыпанное золотым звездным пшеном. Но Атауальпа не спал.

– Что там, говоришь, тебе сказал отец? – спросил его Писарро, возвращаясь к разговору.

Атауальпа смотрел не на собеседника, а на звездное небо.

– Его слова позволили вам победить меня. Вы еще верите в свое военное могущество? Меня победила не ваша сила, а его слово. Умирая, он сказал, что скоро придете вы. Это сигнал начала нашего конца.

– Откуда ему было знать? – усмехнулся конкистадор.

– Откуда? От своего отца и моего деда, Великого Инки по имени Тупак Юпанки. У меня было достаточно воинов, чтобы воевать с вами, но не хватало сил, чтобы воевать с предками.

– Так вот почему ты сдался? – улыбнулся Писарро.

Для него, бывалого и жестокого воина, слова высокопоставленного пленника звучали, как попытка оправдать собственное военное бессилие. Ведь Писарро своими глазами видел, как после редких ружейных выстрелов украшенная перьями гвардия императора рассыпалась в стороны, словно стая мокрых куриц. Правда, никуда эти коротконогие воины с трясущимися перьями сбежать не смогли. Треугольник домов на центральной площади Кахамарки поймал их в смертельную ловушку. Писарро хотел было напомнить об этом Великому Инке, но тот вдруг заговорил совсем иначе.

– Наш мир, как женщина, которая всегда повернута к тебе лицом. Ты все время видишь красоту ее лица, но не замечаешь изъяны в ее фигуре. А когда начинаешь понимать, что она далека от идеала, тогда становится поздно.

– Для чего? – спросил Франсиско, отхлебнув вина.

– Для всего, – расхохотался Атауальпа.

«Нет, он не поэт, он циник, – подумал испанец. – А циник, вооруженный талантом поэта, слишком опасный партнер». С такими друзьями и врагов не нужно. А кто сказал, что Писарро и Атауальпа были друзьями? Один был интересен другому, вот и все. Один хотел выжить, другой разбогатеть, и выпитая вместе бутылка испанского вина не являлась знаком дружбы. Хотя, безусловно, Атауальпа дразнил любопытство Писарро. Как необычный экземпляр аборигена. Не больше.

– Однажды мы запретили письменность и придумали передавать сообщения с помощью кипу, обычных узелков, – сказал Атауальпа, по-прежнему глядя в звездное небо. – Кажется, что это было глупо?

Франсиско Писарро придал своему лицу выражение безразличия, хотя сам внимательно слушал правителя, делая поправку на не совсем правильное использование испанского языка.

– По правде говоря, мы не отменили наши письма, мы их спрятали.

– А что мне до этого? – спросил Писарро. Вопросы туземной письменности нисколько не волновали командора.

Иногда Франсиско искренне сомневался в том, стоит ли вообще вести такие долгие разговоры с Атауальпой. Но интуиция подсказывала конкистадору, что он может извлечь немалую выгоду из любых слов, произнесенных вождем.

– Богатство. Власть. Знание. Что из этого набора ты бы хотел выбрать себе? – спросил Атауальпа.

– Мне хватит всего лишь богатства, – улыбнулся завоеватель.

– Ну, что ж, тогда подари мне свободу, и я открою тебе тайну империи Тавантинсуйу, которую ты наверняка хочешь знать.

Писарро умел контролировать свои чувства, в том числе и алчность:

– Послушай, Великий Инка. Тебя будут судить жестоким и беспощадным судом, откупиться от которого невозможно.

– Я попробую, ладно? – улыбнулся император.

Cuatro. El tribunal de los extraños

Чинча очень хотел посмотреть, как люди Солнца будут судить Атауальпу. В этом, подумал архитектор, есть особая ирония неведомых сил. Мы называем Великого Инку сыном Солнца, и чужих воинов в блестящих шлемах мы тоже зовем людьми Солнца. Стилистически и логически получается, что между высшими творениями идет война, в которую вмешиваться не стоит. Но если не вмешиваться, то жизнь обычных человеческих созданий, не-солнечных, может очень круто измениться, причем, не так, как они бы сами этого хотели. Солдат, которого архитектор посвятил в план Верховного жреца, помог Чинче добраться до Кахамарки, где и содержался правитель. Путники выглядели, как обычные странники и попрошайки, такие десятками крутились возле бивуака людей Солнца. Ничем не выказывая своего особого положения, архитектор и воин дошли до небольшой постройке, в которой содержался вождь. Испанцы разрешили Атауальпе привезти в лагерь интервентов золото, и тот, позвав к себе верных людей, разослал в разные стороны наблюдателей.

Наблюдателем мог стать любой желающий. Вскоре Чинча разведал, что испанцы среди местного населения набирают группу носильщиков. Жители Кахамарки не торопились сотрудничать с людьми Солнца, и архитектор, как обычный пришлый бродяга, предложил свои услуги испанцам. А вместе с ним и солдат, который благоразумно спрятал свое копье и знаки различия под скалой, недалеко от того места, где содержался Великий Инка.

Сначала церемонию открытия судебного процесса решили проводить в закрытом помещении, испугавшись огромного количества зевак, собравшихся на центральной площади Кахамарки. Испанцы быстро сообразили, что от праведного гнева толпы их не спасет даже огнестрельное оружие. Ведь люди Солнца были в меньшинстве. Но Писарро приказал – вернее, посоветовал – судьям и корабельному капеллану, которого срочно назначили нунцием, то есть послом церкви на вновь открытых территориях, вести заседание перед зданием испанской миссии, а не в нем. В этом была доля риска. Но целиком оправданного. Никто и никогда не смог бы сказать, что Великого Инку судили нечестно. Все открыто и законно.

Атауальпа сидел на деревянном стуле с высокой спинкой и, казалось, внимательно слушал все, что говорил полноватый человек в темной мантии. С того места, где стояли архитектор и солдат, не было слышно ни слова. Чинча спросил стоявшего впереди простолюдина, не может ли тот сообщить, о чем говорят люди на помосте перед зданием. Но простолудин не смог ничем помочь Чинче.

– Я ничего не слышу, – сказал он. – А если б даже и слышал, то что бы я мог тебе рассказать? Они же говорят на языке людей Солнца.

Прошло довольно много времени с начала суда. Участники судебного процесса и зрители, казалось, жили в разных измерениях. На помосте продолжались монотонные речи. На площади рос гул толпы. Люди устали. Часть из них покинула площадь. Правда, некоторые из них вернулись, принеся в холщовых сумках хлеб и калebasы с водой.

– Его обвиняют в убийстве брата! – сообщила вернувшимся вторая половина зрителей, которым вкратце перевел разговор судьи и Великого Инки толмач, добровольно вызвавшийся давать краткие пояснения по сути происходящего на помосте.

Вернувшиеся одобрительно вздохнули и поделились хлебом с теми, кто сообщил им эту интересную новость. А еще несколько часов спустя переводчик сообщил зрителям, что свою вину Атауальпа готов искупить золотом. И люди Солнца, мол, согласились.

Чинча вернулся в Куско, оставив своего солдата в Кахамарке наблюдать за тем, как развивается ситуация. А сам отправился в столицу. Он знал, что вскоре золотой сад начнут, дерево за деревом, переносить в резиденцию предводителя людей Солнца. Архитектор не сказал верному воину, что должен встретиться с Верховным жрецом. Он вообще не удосужился объяснить причину своего поспешного отбытия из Кахамарки. А она была, причем, весьма веская.

Как только Чинча добрался до Куско, он сразу же отправился к Вильяк Уме. Но перед входом в Золотой Храм задержался и спустился ниже, чтобы хорошо видеть всю площадь, на которой в прежние времена собирался народ, чтобы послушать Великого Инку и его, жизненно важные для Тавантинсуйу, распоряжения. Именно так, как в прежние времена. Все, что было в его стране до прихода людей в блестящих шлемах, уже никогда не повторится. Если, конечно, идея, придуманная Чинчей, не станет реальностью.

Каменный барьер, двенадцать ярусов тяжелых валунов, казался похожим на стену неприступной крепости. Это была трибуна, на которую поднимался Великий Инка, когда хотел видеть свой народ. Редкие прохожие старались проходить мимо трибуны как можно скорее, не поднимая глаз, как будто им было стыдно за то, что она пуста. Знак, прямое напоминание о том, что народ предал своего правителя. И тут Чинчу словно молнией пронзила мысль, что Великий Инка сам виноват перед своим народом. Атауальпа затеял смуту в стране. Он убил своего брата Уаскара, пусть и наполовину родного, но все же в каждом из них текла кровь создателя Империи Пачакутека. Цепочка наследственной смены власти, которая раньше мирно переходила от отца к старшему наследнику, брала начало в утробе Мамы Окльо, прародительницы всех правителей этой империи, и, видимо, закончилась в тот день, когда Атауальпа решил силой оспорить право быть первым. Он захотел власти и украл ее у брата, тем самым первым нарушив закон «Не воруй». Значит, император сам виноват в том, что огромная и мощная армия не захотела воевать за последнего из рода Инти. «Если один солдат умеет думать, – вспомнил Чинча своего товарища, оставленного в Кахамарке, – то разве этому не могут научиться остальные?»

Мысль была правильная, а значит, очень опасная. Прежде всего для самого Чинчи. Она разрушала веру архитектора в порядок. Каждый житель Тавантинсуйу был опорой этой огромной страны. Опоры теряли твердость и ломались, страна распадалась на глазах. Архитектору показалось, что ему незачем идти в Храм Солнца. Но то, что он хотел сказать Вильяк Уме, было важнее амбиций. И даже важнее веры в нерушимость того мира, в котором жил народ Империи Четырех Сторон.

– Я слушаю тебя, – сурово сказал жрец. Он встретился с архитектором в одной из боковых галерей храма, а не в золотом саду, как на это рассчитывал Чинча. «Ничего, – подумал про себя молодой человек, – я уже однажды видел сад, и мне вручили нечто гораздо более ценное, чем все золотые деревья, вместе взятые».

Повелитель храма ждал.

Чинча встал на одно колено и поцеловал ему руку. Вильяк Ума принял этот жест уважения и поклонения и не изображал из себя доброго старика, как это было во время их первой встречи.

– Я пришел поговорить о том, к чему подтолкнули меня размышления, – сказал Чинча. – Тебе это может не понравиться. Причем, настолько, что ты сочтешь меня преступником и прикажешь лишить жизни. Но я к этому готов.

– Если готов, к чему тогда это твое вступление? Говори.

– Вы хотите спасти Тавантинсуйу? – быстро заговорил архитектор. – Тогда сделайте вот что. Признайте Великого Инку вором и преступником. Откажитесь платить за него выкуп.

– Ты это всерьез, Чинча?

– Более чем. Атауальпа нарушил закон. Мы не берем ни крошки чужого добра. Он отобрал у родного брата, Уаскара, целую страну. И не смог с ней справиться. Он утратил доверие народа. Пусть не всего, пусть какой-то его части. Но именно поэтому народ не хочет воевать за своего правителя. А правитель – это свет небес, в лучах которого живет наша родина Тавантинсуйу, и он должен быть чистым, этот свет. Признайте его преступником. И назначьте на его место другого.

– Как? – только и выговорил Верховный жрец, почувствовав, что язык во рту немеет от удивления и страха перед неприкрытой правдой слов архитектора.

– От нового Инки пойдет новая династия и начнется новая история. Он поднимется на камни Кориқанчи и объявит о начале нового времени. Он напомним, что Атауальпа нарушил закон «Ама льюйя, ама сува, ама кейя». Он украл у брата власть, обманув народ, и все это Атауальпа сделал для того, чтобы проводить время в праздности, принимая ласки и утехы Дев Солнца. Разве для этого Пачамама послала нам самого первого правителя?

Вильяк Ума схватил Чинчу за плечи и долго смотрел архитектору в глаза. Очень пристально и внимательно.

– В другое время я приказал бы с тебя содрать кожу живьем. Но сейчас не совсем подходящий момент. Ты будешь жить.

Чинча поклонился. Но жрец еще не закончил свою речь.

– Ты исполнишь то, что я тебе приказал сделать, когда мы говорили в тени деревьев золотого сада.

– А если я не успею?

– Тогда дело закончат твои дети, – жрец развернулся и направился прочь от молодого человека. – Или дети твоих детей.

Чинча хотел было сказать, что в его жизни речь о семье и детях пока не идет, но промолчал и покинул галерею Кориқанчи вскоре после того, как жрец скрылся в лабиринте коридоров.

Оказавшись на улице, архитектор направился к родственникам, у которых надеялся переночевать до утра. Каменные, грубо обтесанные валуны были сложены в стены без окон. Улица напоминала тоннель, в конце которого светлым пятном указывала направление центральная площадь. Чинча двинулся туда, но вдруг заметил в конце улицы три мужских силуэта. Он сделал еще один шаг в сторону площади.

Силуэты стали больше. Шестое чувство подсказало Чинче, что надо развернуться и бежать в другую сторону.

Он бежал так, словно хотел обогнать ветер, и тот, рассердившись, держал его за руки, встречая Чинчу холодным дыханием темной улицы. Ноги архитектора не слушались. На мгновение ему показалось, что он видит страшный сон, ведь во сне тяжело убежать от преследователей, переставляя ватные ноги со скоростью улитки. Каменным стенам слева и справа не было конца. Они уходили вдаль и терялись в сумерках. Их серая суровость приговорила Чинчу к этому кошмарному бегу по городу, вдруг ставшему чужим. И смертельно холодным. «Нет! Не сдамся!» – думал беглец. «Нет» – любимое слово любого воина. «Нет» может означать «не

знаю», «может быть», а иногда и «да», в зависимости от ситуации. Это аксиома для тех наций, которые сумели достигнуть успехов на поприще торговли. Но торговля в Империи Четырех Сторон была под запретом. Подданные Великого Инки не знали, что такое деньги, а значит, не обладали умением говорить слово «нет» с подтекстом.

Преследователи тоже говорили себе «нет», вкладывая в отрицание несколько иной смысл, нежели беглец. «Не уйдешь», – дышали они ему вслед, и Чинче казалось, что боевой клич на выдохе обжигает ему лопатки. Он прибавил ходу. Быстро! Еще быстрее! «Жизнь или смерть?» – стучала кровь в синих от напряжения венах на висках. «Жизнь!» – подсказала Чинче улица, и он увидел открытое пространство в конце серого коридора. Выскочить из него, а потом свернуть направо и скрыться в темноте прохладной ночи. До конца улицы оставалось совсем немного. Чинча, не снижая скорость, сделал шаг шире. Он представил себя горным быстрым животным, так легко и грациозно перескакивающим с камня на камень. И от этого у архитектора прибавилось сил и темпа. Он уже почти ушел от преследователей и едва коснулся рукой стены, чтобы поменять траекторию движения, свернуть направо. И тут получил мощный удар. Ему на мгновение показалось, что все двенадцать ярусов каменных блоков закачались и рухнули на него, как горный оползень. А за первым ударом последовали еще. И еще. И, не найдя в себе сил сопротивляться этой болезненной лавине, беглец позволил своему сознанию уйти в мягкое, как солома, ничто.

Cinco. Ver el Mundo

– Чинча, Чинча, строитель, ты пришел в себя?

Ему было почудилось, что голос принадлежал солдату, его товарищу по добровольной ссылке, в которую они отправились по собственной стране.

Строитель попробовал разомкнуть веки, но у него ничего не получилось. Глаза – это двери, через которые человек впускает в себя впечатления и выпускает эмоции. Но эти двери были словно заколочены. Что-то мешало Чинче взглянуть на мир. Он попытался сделать усилие над собой, но у него ничего не получилось. Веки не открывались. Сознание постепенно возвращалось к нему, растекалось водой по мышцам, наполняя сосуд его тела ощущениями. Но эти ощущения нельзя было назвать приятными. Его руки, ноги болели от ударов, мышцы непроизвольно сокращались от судороги, которая заставляла ныть и суставы. К Чинче вернулось понимание того факта, что он был захвачен врасплох и, очевидно, избит. Он застыл от нарастающей боли и попытался снова открыть глаза, теперь гораздо резче. И снова не смог. Веки отозвались целой вереницей мелких очагов боли. Не стоило обращать внимания на каждый из них по отдельности. Но вместе они представляли собой цепочку непреодолимого страдания в области глаз. И непонятнее всего был тот факт, что глаза не открывались. Чтобы облегчить боль, Чинча хотел было протереть глаза руками, но чья-то ладонь остановила порыв архитектора. Но это была не крепкая солдатская, а узкая девичья рука.

– Не пытайся открыть глаза, Чинча. У тебя ничего не получится, – нежный и в то же время низкий голос, зазвучавший в ушах у архитектора, коварным теплом соблазна уходил куда-то в подсознание. А может быть, и еще ниже. Анестезия его обертонов сняла боль. Но смысл слов, которые женщина произнесла потом, тут же вернул ее.

– Почему не получится?

– Тебе пришили веки. Верхние к нижним.

Звучало унижительно и – самое главное – непонятно.

– Они хотели, чтобы ты навсегда забыл то, что видел. Они и уши хотели тебе запечатать.

И рот.

– Зачем? – искренне удивился Чинча.

– За то, что ты слышал запрещенные вещи. И говорил слова, которые тебе не подобает произносить.

Архитектор вслушивался в речь собеседницы.

– Но при чем тут мои глаза?

– Честно говоря, не знаю, – сказала обладательница красивого голоса. – Думаю, они хотели, чтобы ты превратился в ходячее растение.

И девушка, упредив вопрос Чинчи, стала рассказывать историю о том, что в древности существовало такое диковинное наказание: человека лишали всех основных чувств, и он, потеряв связь с внешним миром, медленно и мучительно сходил с ума. Обычно, в дополнение к зашитым ушам, рту и векам, жертве обрубали кисти рук и останавливали потерю крови. А затем человека прогоняли прочь. Чинча мысленно содрогнулся, представив себе, что могло бы с ним случиться, если бы не чудесная спасительница.

– Подожди, я попытаюсь обрезать нитки, – сказала она.

Тонкое лезвие неприятно и опасно коснулось его век. Кожа больно натягивалась всякий раз перед тем, как обрывался плотный шов. После каждого движения ножа Чинча морщился и стонал. А девушка лишь посмеивалась.

– Не открывай сразу глаза, – сказала она, закончив работу.

– А то ослепну от твоей красоты? – пошутил Чинча.

– Вовсе не от нее, – получил он ответ, который можно было бы счесть нескромным.

Он поднял веки, и тут же зажмурил их, получив световой удар невероятной силы. Он снова попытался открыть глаза, теперь уже медленно и осторожно, и тут заметил то, что действительно слепило глаза. Перед ним была отполированная до зеркального блеска огромная золотая плита. Она стояла посередине круглой комнаты со сферическим потолком, в центре которого виднелось отверстие. Через него бил солнечный луч, попадая на поверхность плиты, чтобы, отразившись от нее, атаковать зрачки архитектора. А по дороге оставить нервный блик на золотом ноже с мелкими фигурками животных вдоль острого лезвия, застывшем в руках девушки. Она действительно была очень красивой. Что не мог не отметить даже слегка ослепший глаз молодого строителя.

Чинча словно оцепенел. Но не от девичьей красоты, а от того, что он увидел на поверхности золотой плиты. Плита была довольно внушительных размеров. Если бы ее можно было поставить рядом со стенами улиц Куско, которые, и это всем известно, сложены из гигантских валунов, то она наверняка достигала бы верхнего ряда камней. По форме плита напоминала боевой щит воина, отполированный до зеркального блеска. Хотя смотреть в него было бессмысленно, поскольку солнечный свет, отраженный в золоте, больно бил в глаза. Глядеть на золотое зеркало можно было только под углом, и Чинча довольно быстро нашел удобную точку, как только девушка позволила ему встать. Именно так он разглядел на гладком отполированном золоте небольшие неровности. Барельефы, изображавшие солнце, землю и людей. Это была группа миниатюр, и каждая из них определенно несла какой-то смысл. Вот солнце, у самого верхнего края золотого щита. Оно разбрасывает во все стороны лучи, словно стрелы разной длины. Несколько острых наконечников нацелены на неровную волнистую линию, протянувшуюся слева направо через всю поверхность золотой плиты. Очевидно, это вода. Скорее всего, линия символизирует великое озеро Титикака, из которого вышли на берег прародительница всех жителей империи Мама Окльо и ее супруг, первый Великий Инка по имени Манко Капак. А вот они снова вдвоем, священные супруги, засевают зернами кукурузы благодатные поля, и ростки, поднимаясь все выше и выше, радуют великий народ. Воины и земледельцы идут вперед и раздают свои знания другим людям. Две тонкие фигуры обнимают друг друга. И это явно обычные люди. Не правители. Мужчина и женщина.

И еще что-то заметил Чинча на золотом поле гигантского щита. Две спирали. Они сплетались друг с другом, переползая, словно гусеницы, с левого нижнего края на правый. В некоторых местах тела гусениц пережимали искусно выполненные узелки, превращавшие линии в кипу, узелковое письмо. Смысл золотого сообщения мог осилить только опытный кипукамайок, чтец посланий. Чинча тоже умел читать узелки, но вдумываться в смысл написанного не было особого желания. Когда Чинча подошел еще поближе к щиту, он заметил, что линии,

свивающиеся в спирали, составлены из мелких рисунков. Это были животные, почти такие же, как на ноже в руках у девушки. Но какие же странные это были животные. Похожие на зубастых крокодилов, но с длинными шеями и такими же длинными хвостами. Их горбатые спины были увенчаны настоящими заборами зубчатых пластин, а четырехпалые лапы оснащены перепонками, как у гигантских жаб, обитающих в священном озере Титикака. Животные держали друг друга за хвосты зубами, и как только Чинча шагнул назад, снова сработал визуальный эффект: вереница зверей превратилась в нить спирали. Рука девушки легла на плечо строителя. Его взгляд задержался на фигурах двух влюбленных, прежде чем Чинча обернулся.

– Отверстие в потолке, свет, золото, – сказал он задумчиво. – Это ведь все не случайно?

– Конечно, нет. Так было задумано, – улыбнулась его спасительница. Хотя почему нужно думать, что именно она его спасла? Она сумела открыть ему глаза, не больше. Вряд ли такая хрупкая девушка могла бы справиться с его мрачными преследователями. Надо будет все у нее выяснить.

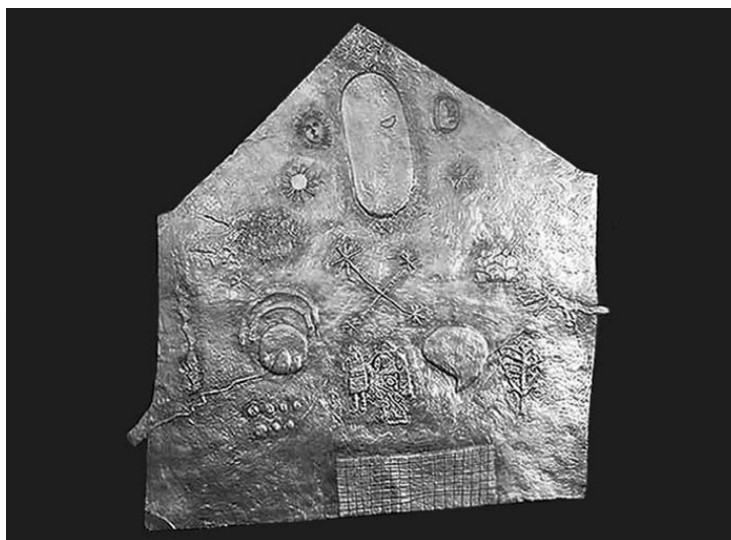
– То, что я здесь вижу, далеко от совершенства. Нет ощущения того, что свет солнца это золото.

– Ну, не все то золото, что блестит, – улыбнулась девушка. – Этот тайник построил мой отец.

– Так это тайник, а не храм? – удивился Чинча.

Он снова окинул придирчивым взглядом помещение, в котором находился. Довольно просторное, оно действительно напоминало храм, по крайней мере, своим интерьером. Полу-сферическая комната, с отверстием в потолке, резные изображения людей и животных на стенах. И, конечно, золотой щит посередине.

– Так, так, так, – бормотал архитектор, продолжая осмотр.

Золотая плита с символами Матери Земли и произошедших от нее народов Империи Четырех Провинций. Хранится в музее при соборе Санто Доминго в Куско

– Тебя что-то удивляет? – спросила девушка.

– Многое, – сказал Чинча после недолгого раздумья.

– Тогда задавай вопросы.

Вопросов действительно было великое множество. Чинча начал с профессиональных.

– Скажи мне, как твой отец мог построить полусферический потолок без единой колонны, которая его поддерживает. Каменный потолок таких размеров неминуемо должен был бы рухнуть под собственным весом. А он, я вижу, опирается на несущие стены и не падает.

– Этот потолок не каменный.

– То есть как?

Чинча решил про себя ничему не удивляться, но тут же ему пришлось отказаться от собственного решения. Особенно после того, что рассказала девушка. Это было куда интереснее золотой плиты, отполированной до блеска. Сияние гения мастера, придумавшего это здание, затмевало блеск золота. Человек, заставивший потолок висеть в пространстве, придумал новый строительный материал. Для его производства нужна была известь, вода, мелкие камни и еще много всяких элементов, впрочем, не столь уж и важных. Как понял молодой строитель, все это смешивалось и превращалось в вязкую массу. Когда она высыхала, то становилась прочнее самого прочного камня. Важно было вовремя придать ей нужную форму, пока она еще влажная. Для этого использовались деревянные конструкции, с помощью которых масса, начинавшая густеть, поднималась на нужную высоту, то есть туда, где, собственно, сейчас можно было видеть потолок.

– У моего отца, который придумал, как строить такие здания, было немало секретов, – продолжала девушка слегка возбужденным голосом. Было понятно, что она гордится и отцом, и его постройкой. – Например, как придать этому новому стройматериалу необходимую форму. И отец блестяще решил эту задачу, расположив по всей форме купола специальные тонкие балки. Их не видно, строительный материал их скрыл под собой. Но они внутри, и, поверь, именно на них держится вся эта мощная конструкция. Гениально?

– Да, – восторженно согласился Чинча.

Восхищение и зависть – вот что он чувствовал, глядя на потолок. И тут же нашел, чем потешить собственное тщеславие.

– Я это сделал лучше, – он указал на отверстие, через которое в помещение попадал свет.

– Интересно, – сказала девушка, чуть наклонив голову влево. Словно пытаясь взглянуть на своего спасенного гостя под другим углом. Иначе.

– Смотри, – объяснял ей Чинча спокойным голосом, а внутри дрожал еще больше, чем тогда, когда рассказывал суть своего открытия Вильяк Уме. – Здесь свет льется равномерно, чтобы полностью заливать этот золотой щит. Если его сделать в несколько раз меньше, то можно добиться эффекта золотого дождя. Два раз в год, в дни равноденствия, солнце будет проходить над этим отверстием, и в течение нескольких часов у тех, кто находится внутри помещения, перед глазами будет литься золото.

– Ты откуда знаешь? – спросила удивленная спасительница.

– Я нашел эту точку золота. Я превзошел создателя этого здания.

Тщеславие настолько распирало Чинчу, что, казалось, он на мгновение прибавил в росте. В глазах девушки, конечно. Обычно людей из глубинки отличает сострадание и отзывчивость. Они бывают верными друзьями и великодушными врагами. Они не ведают страха и упрека. Единственный грех, с которым испокон веков неспособны совладать провинциалы, это тщеславие. Маленький червячок гордыни может в кратчайший срок превратиться в гигантского питона, если кормить его осознанием собственной важности, гениальности и благородства.

Но девушка сумела вовремя остановить рост этого ненасытного хищника:

– И кого же твой золотой дождь сумел сделать лучше или счастливее?

Чинча подумал.

– В общем-то, никого, – широко, искренне улыбнулся он. «Это самая добрая и открытая улыбка, которую я видела», – решила про себя девушка.

Чинча вспомнил, как Вильяк Ума равнодушно воспринял сообщение о столь уникальном архитектурном нововведении, которое представляла собой точка золота, и тут же вернул своей гордыне прежний рост и размер.

– И ты знаешь, что я думаю? – заговорил архитектор, словно размышляя. – Здесь вообще не нужна точка золота. Зачем – если свет падает на настоящий металл.

– Я Окльо, – представилась наконец девушка. – Мой отец очень хотел, чтобы меня звали так, как называли первую царицу.

– А где твой отец? Я хочу увидеть создателя этого великолепия.

– Его убили. И съели.

Это было нечто невероятно страшное, похожее на те истории, которыми пугают детей, чтобы не гуляли по вечерам. И вместе с тем, – почувствовал Чинча, – это было правдой.

Когда золотой свет в отверстии над плитой покраснел, а затем и вовсе исчез, Окльо достала два камешка, ударила одним о другой и высекла искру. Раскаленная частица камня попала на паклю, и через минуту на полированном золоте играли друг с другом беспечные отражения горящего факела. К этому времени Чинча узнал многое.

Семь. Становится больно

Вадим мог только догадываться о том, что же произошло на трассе. Как только его внедорожник под крики ликующей толпы покинул пределы Буэнос-Айреса, все мысли гонщика были заняты только трассой. Когда едешь за рулем, то кажется, что вся восторженная толпа приветствует тебя одного. Хотя следует сказать, аргентинцы с одинаковым воодушевлением подогревали самолюбие любого, кто был за рулем разноцветного, как палитра начинающего художника, автомобиля. А таких экипажей, как известно, в самом свободном городе двух Америк сейчас было не меньше пятисот, включая и вспомогательные, ласково прозванные «техничками». Десять минут езды через ликующий людской коридор действуют на водителя, как чрезмерно горячий душ: сначала иллюзия холода, потом обжигающая боль, а за ней наконец полное привыкание. Как только уши Вадима отключились от рева толпы, его глаза сосредоточились только на дороге и на приборах. Он и не заметил, как съехал с асфальта и оказался на стартовой позиции спецучастка. Одного из двенадцати отрезков бездорожья, которые предстояло преодолеть. «Пять, четыре, три, два, один», – пальцы комиссара отсчитывали секунды. «Пошел!» – широкий жест руки открыл внедорожнику путь к победе. Или же к бесславию, кто знает?

Он не видел ни глубины каньонов, ни песчаной прелести и редких холмов бесконечной пампы. Давил на газ в исступлении человека, который понимает – победитель получает все! Но до победы было несколько тысяч километров. Поэтому Вадим просто ехал вперед. И когда доехал до финиша спецучастка, пилоту хотелось только хлебнуть холодной воды из бутылки, а не из пластиковой канистры в горячем боку автомобиля.

Доехав до лагеря, он отдал машину механикам. Ему бы хорошо выспаться на этом месте первой ночевки, но хмурые лица, с которыми встретила его команда, впустили в сознание беспокойные мысли.

– Что-то случилось? – спросил он Валерия.

– Не у нас, – ответил главный механик.

Вадим отправился в столовую. Каждый день перед ночевкой на новом месте организаторы гонки натягивали тент и расставляли столы. И всю ночь напролет приходившие с трассы гонщики могли наслаждаться блюдами латиноамериканской кухни. Вадим уселся за деревянный стол, набрав перед этим целый поднос: тушеные овощи с мелко нарезанным мясом, крупные жаренные кольца желтого картофеля, гороховый суп, сок папайи и, конечно, красную плоть арбузов, обещавшую своими неровными изломами наслаждение сладостью и влагой. Но насла-

диться не получилось. Напротив Вадима сидел унылый гонщик. Перед ним стояла двухсотграммовая бутылка аргентинского вина, и больше ничего. Пустой поднос.

Вадим оглянулся и заметил, что люди, сидевшие в столовой, были непривычно молчаливы. Многих Вадим знал по прошлогодним гонкам. Обычно в таких походных столовых на ежедневных бивуаках стоял веселый гул разговоров. На этот раз многие из тех, кто сидел под сенью тента, старались говорить сдержанно. Или же вообще молчали.

– Что случилось? – спросил Вадим соседа по застолью.

– Есть погибшие, – кратко объяснил тот.

Вадим понимающе кивнул и снова спросил:

– Кто?

– Жозе Азеведо и Хольгер ван дер Толен.

Двойной шок. Смерть на гонке всегда чрезвычайное событие. Но, тем не менее, катастрофы гонщиков не особенно удивляли. Езда на внедорожнике сродни прогулкам по лезвию ножа: одно неосторожное движение, и приключение превращается в трагедию. За три десятка лет, которые насчитывал всемирный внедорожный марафон, на трассе погибли не меньше пятидесяти человек, причем только половина погибших участвовала в гонке. Остальные – это журналисты, техники и зрители. Игнорируя правила безопасности, они покидали зрительские секторы и, ради любопытства, делали шаг в сторону болидов, развивающих сто пятьдесят километров в час. Как известно, даже на асфальте такая скорость делает машину трудноуправляемой. А на бездорожье любая ошибка пилота превращает автомобиль в орудие убийства. Даже основатель гонки считал главной проблемой отсутствие надлежащей безопасности на трассе. И сам он погиб, совершая облет спецучастка на вертолете: винтокрылая машина попала в пылевую бурю. Тогда была самая большая жатва смерти на гонке. Шесть человек нашли свой конец в безмолвной пустыне. Но случай в аргентинской пампе был из ряда вон выходящим. Это был первый день. Первый спецучасток. И он унес жизни двух лучших гонщиков. Жозе Азеведо был опытным и, можно сказать, потомственным байкером. Его отец неоднократно выигрывал на своем мотоцикле гонки в родной Бразилии. Мотоциклисты, как известно, рискуют больше, чем пилоты внедорожников. Они менее защищены от ударов. Оседлав двухколесного зверя, они получают гораздо больше шансов вылететь из седла, чем те, кто несется на четырехколесном.

Жозе Азеведо упал со своего байка за два километра до финиша. Он получил серьезные травмы, и было решено эвакуировать его на вертолете. В случае удара, столкновения или катастрофы сигнал из поврежденной машины через спутник летит в Париж, где собирается информация о происшествиях на гонке.

В Париже оценивают степень опасности, оттуда поступает команда: куда, когда и как выдвигаться на оказание помощи. Пять вертолетов и десять карет «скорой» – все время в состоянии боеготовности. К пациенту врачи добираются очень быстро. В среднем за девятнадцать минут с момента получения сигнала. То есть это быстрее, чем «скорая помощь» в любом мегаполисе мира.

Казалось, шансы на спасение были достаточно высоки. Жозе погрузили в вертолет. Но спешить было уже некуда. У мотогогонщика остановилось сердце. Как говорят, от болевого шока. В первый же день гонок – первая смерть. И – не последняя.

Не успел вертолет с телом бразильца приземлиться возле бивуака, как медики получили еще один вызов. И тогда они снова вылетели на трассу. Но, прибыв на место, врачи сразу же поняли: здесь их помощь вряд ли уже сможет понадобиться.

Трасса первого дня проходила по мягкой аргентинской пампе. И лишь последние несколько километров спецучастка узкой тропинкой карабкалась по краю естественной каменной стены высотой тридцать метров. А внизу блестела голубая лента быстрой и мелкой реки. Пилот вертолета быстро нашел координаты места катастрофы, но лишь на втором круге заметил внизу машину. Вернее то, что от нее осталось.

«Вольво Си Зет», шведский дебютант, который должен был стать новой звездой гонки, сорвался с тропинки, сделал несколько сальто и остановился посередине реки. Машина смогла удивить лишь тем, как быстро она превратилась в расплавленный кусок металла. Как видно, лопнул бензопровод. Вспыхнул огонь, а выбраться из автомобиля, когда он горит, непросто. Гонщик, пятидесятилетний голландец Хольгер ван дер Толен, успел вытолкать из «вольво» своего штурмана. А самому пилоту не хватило лишь доли секунды. Мощный взрыв смешал его плоть со стальной плотью машины.

– Сейчас ее подтянут сюда, – сказал сосед Вадима. – Вернее то, что от нее осталось.

У Вадима замерло сердце. Так, словно, идя в кромешном мраке, ты касаешься чего-то холодного и ускользающего. А потом, испытав неопиcуемый страх, пульсирующим сознанием понимаешь, что всего лишь коснулся крыла летучей мыши.

Она пролетела мимо. И чиркнула крылом. Вадим прогнал ее прочь, вместе с мыслями, мешавшими ехать вперед.

Сгоревшую «вольво» подтянули к бивуаку глубокой ночью. Штурман ван дер Толена уже был здесь. С перебинтованной рукой он стоял у главных ворот бивуака, глядя на эвакуатор с грудой железа, пытавшийся заехать на территорию лагеря и не сбить рекламные флаштоки, что было довольно трудным делом.

Вадим тоже стоял рядом. Ему бы хорошо выспаться перед вторым этапом. Но сон не брал гонщика. Прогулка на свежем воздухе успокаивала нервы. Хотя, конечно, палатку, в которой был расстелен спальный мешок, нельзя назвать душным помещением.

– Невероятно... невероятно... – бормотал британец-штурман, и Вадим подумал, что это он о маневрах водителя эвакуатора. Но англичанин думал о другом. Его – и ван дер Толена – машина была в идеальном состоянии перед стартом, и вот отказали тормоза. «Ушли тормоза!» – такими были последние слова пилота, перед тем, как машина рухнула вниз. А затем, как припоминал британец, ван дер Толен успел отстегнуть ему ремень и вытолкать из машины. Спас жизнь товарища ценой своей.

Автомобиль, на котором украинский гонщик Вадим Нестерчук участвовал в гонках «Дакар» на латиноамериканском континенте

Вадим вернулся к своей палатке. Механики все еще возились с его оранжевым болидом.

– Эта французская коробка передач просто блеск! – Один из механиков вылез из-под машины. – Должно хватить до конца гонки!

После того, как докеры в порту Лима «порвали» коробку, пришлось установить запасную. А ее, по расчетам главного механика, нужно было побережить до середины гонки. Именно тогда и начнется самый сложный этап: мягкий и коварный песок феш-феш.

- Хорошо бы, чтобы до конца гонки хватило прокладки, – усмехнулся Вадим.
- Какой прокладки? – удивился механик.
- Главной. Между рулем и водительским сиденьем.

Механик рассмеялся не сразу. Такой самоиронии он от Вадима не ожидал, особенно в час предрабачного напряжения перед стартом.

– Вадим, ты бы вздремнул, – заботливо посоветовал главный механик, обойдя машину со стороны кормы.

– Да, конечно, – бросил гонщик и полез в спальный мешок. Он услышал, как Валера обронил вслед:

- Завтра все будет хорошо.

Но хорошо на следующий день так и не стало. Гонка оказалась фатальной и для зрителей. Один аргентинец, по имени Луис Альфредо, решил понаблюдать за трассой с воздуха. У парня была лицензия гражданского пилота-любителя и четырехместная «Сессна», на которой можно было достаточно низко пройти над спецучастком. Она рухнула на землю совсем недалеко от самого опасного, а, значит, самого зрелищного отрезка дороги. Пилота спасти не удалось. В теленовостях кратко сообщили, что у него оборвало шланги подачи топлива.

Вадим на втором спецучастке показал очень неплохой результат. Он пришел к финишу двадцатым – из пятисот экипажей, а для пилота из восточноевропейской страны это было настолько хорошо, что гонщик попал в выпуск новостей. О нем, первом украинце на самой сложной гонке в мировом рейтинге, рассказали даже больше, чем о разбившемся аргентинском пилоте-любителе. Закадровый голос эмоционально, на грани крика, сообщил зрителям:

«К началу этапа пятьдесят один экипаж выбыл из гонки, а это больше десяти процентов гонщиков. Украинец сразу же взял хороший темп. Он решил ехать быстро, но не слишком. Горный ландшафт кажется живописным только с высоты птичьего полета. Через лобовое стекло очень сложно оценить риск. На крутом спуске пилот и его штурман заметили: вверх колесами лежит багги. Вокруг никакого движения».

На экране в это время показывали оранжевый автомобиль, снятый с вертолета, который следовал за гоночной машиной на большой скорости. Следующий кадр – оранжевая машина возле груды горящего металла. И крупным планом – фамилии японских гонщиков, написанные латинским шрифтом на крыле машины, причем почему-то вверх тормашками. Вот в кадре штурман. Он говорит:

«Мы подбежали к двери, дверь была закрыта. Кто-то внутри. Разбили замок, чтобы открыть дверь. Я взял одного парня, Вадим вытянул другого. И тут видим, со спуска падает кубарем еще одна машина».

Снова закадровый текст:

«Это был экипаж японцев, стартовавший как раз перед Вадимом. Вот жизненное кредо гонщика».

В телевизоре появился сам Вадим, вернее его интервью, снятое как раз перед стартом. Такие небольшие фрагменты телевизионщики записывают заранее, перед стартом, – чтобы можно было разбавлять дневник гонки или использовать при каждом удобном случае. И вот такой случай настал:

«Человек живет в оболочке комфорта. Для того чтобы получить больше, нужно отдать больше. И вот, чтобы достичь чего-то большего, нужно разорвать оболочку, пускай даже тебе это очень трудно дается. Ведь так интереснее».

Потом через паузу, без излишней скромности:

«И у меня это получается».

А потом, как-то без видимой логики и связки, показали Робби Горовица с порванным ремнем генератора в руках. Ему задали вопрос, что-то о возможности выиграть ралли-рейд. И он в свойственной ему манере ответил:

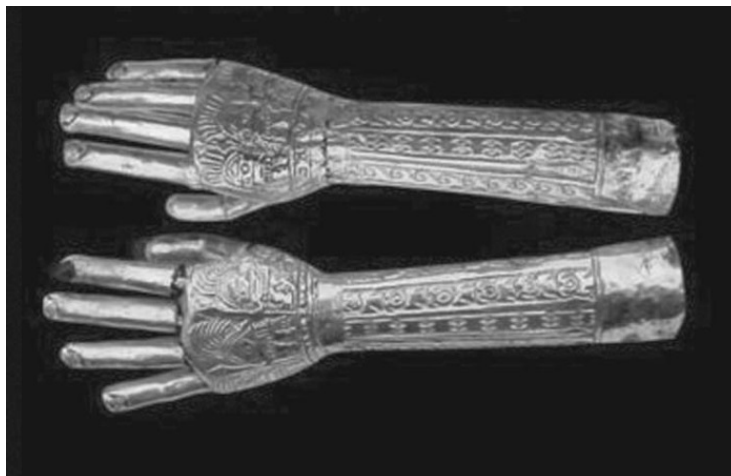
«Never say f...king “never”!»

Грубое словечко забил политкорректный телеписк.

Об этом Вадим узнал в пересказе Валерия. В то время, когда механик, сидя на месте пассажира в автомобиле технической поддержки, развлекал себя новостями, которые показывал жидкокристаллический экран, Вадим давил на педаль и глотал жаркую пыль на бездорожье.

И еще один человек внимательно следил за выпуском новостей, на расстоянии сотен километров от гонки. Прослушав информацию об упавшем самолете, он сделал несколько пометок в записной книжке. Там уже были записи о двух гонщиках, погибших на трассе накануне. Затем дождался сюжета об украинской команде. Среди складок одутловатого лица появилась улыбка. Человек закрыл записную книжку и сунул ее во внутренний карман пиджака, облежавшего круглые плечи. Ему нужно было собираться в аэропорт. Судя по билету, его самолет из Санта-Крус, Боливия, в аргентинский Буэнос-Айрес вылетал всего лишь через три часа.

Seis. El gusto de la mujer

Чинча разглядывал Окльо. Девушка спала возле золотой плиты, положив голову на согнутую руку и укрывшись расшитым покрывалом. Через отверстие в потолке падал лунный свет. Ночь была безоблачной и ясной. После долгого и тяжелого разговора ей нужно было выспаться, тем более, что им предстоял непростой путь за пределы Куско. Понимая это, Чинча не мог заснуть. Он глядел на правильные черты лица, ставшего безмятежным, как только сон сомкнул веки Окльо и разбросал длинные волосы по руке и вязаной подстилке, на которой она лежала, подтянув к животу колени.

Перед тем, как заснуть, она рассказала Чинче о том, чего он не знал, но о чем интуитивно догадывался. А результатом этих догадок был его необдуманный визит в Кориқанчу, к единственному человеку в империи, которому он доверял, – к Вильяк Уме. Следы того, что было потом, теперь навсегда останутся на его изувеченных веках.

Вот что рассказала Окльо перед сном.

– Ты знаешь, что нынешняя смута, охватившая Империю Четырех Сторон, связана не с людьми Солнца. Не они стали ее причиной. Великий Инка Атауальпа, в организаторских способностях которого не приходится сомневаться, убил своего сводного брата Уаскара, которому место в Кориқанче было положено согласно законам наследования власти у нас в стране. Но Атауальпа нарушил эти законы, утверждая, что управление страной завещал ему отец. Это не так. Следующим Великим Инкой должен был стать не он. На троне отец империи видел Уаскара, но, когда он завещал Тавантинсуйу своим детям, то упомянул одно важное условие: военным советником императора станет Атауальпа. Два сына Великого Инки учились разным вещам и, конечно, каждый из них имел свое собственное видение будущего нашей страны. Уаскар считал, что надо продолжать традицию отца. Ты, конечно, помнишь, что основным закон нашей страны гласит «Не лги, не воруй, не ленись». Так вот, прежние Инки считали, что достичь государственного совершенства можно лишь в том случае, если каждый работает на государство и государство работает на каждого. Ложь, воровство и лень становятся общественными пороками тогда, когда люди отдают блага за несуществующие ценности. Это называется торговля. «Я тебе отдам золото, а ты мне дай немного еды». Это обман, порождающий грабителей и тунеядцев. Значит, нужно запретить торговлю. У каждого жителя Тавантинсуйу должна быть уверенность в завтрашнем дне. В том, что у него всегда найдется что съесть и где спать. И, кроме того, всячески поощрялась доброта и щедрость. Нужно быть готовым поделиться с соседом самым необходимым. И ты, конечно, можешь быть уверен, что никто ничего из твоего дома не возьмет без твоего разрешения. Любые сокровища, любые ценности ты оставляешь в

своем доме, и они обязательно тебя дождутся. Мы хотели достичь совершенства в справедливости – и мы это сумели сделать. Наша империя расширялась такими темпами, что всего лишь за сто лет стала самым великим из всех известных государств. К нам присоединялись страны и народы не потому, что боялись нас, а потому, что понимали: лучше жить так, как живем мы. Они отказывались от торговли, принимая наши законы и наши принципы. А Великий Инка им за это обещал равенство и процветание. Один за всех, и все за одного. И если ты хочешь, чтобы было именно так, то не лги, не ленись, не воруй. Иначе и не бывает.

Но в тот момент, когда Великий Правитель назначил своего сына Уаскара наследником величия Инков – тем самым оставив второго отпрыска, Атауальпу, без всякой надежды на власть, – наступил перелом. Хотя лишь очень немногим людям стало ясно, что скоро наступит конец империи справедливости. Вернее, он уже наступил.

Чем больше Чинча слушал Окльо, тем страшнее ему становилось. Она вела свой рассказ спокойно и монотонно, слова ритмично раскачивались в воздухе, отсчитывая время, которого у Империи Четырех Сторон оставалось все меньше и меньше.

– Равенство перед этим миром обеспечивают обязанности и права. Главной обязанностью всех граждан Тавантинсу́йу был труд. Главным правом людей – возможность утолить голод. В том числе голод знаний. Наши предки понимали, что свободу могут дать только знания. Чем больше человек знает, тем больше ценит свою свободу и уважает чужую. Свобода это понимание необходимости обязанностей и возможность удовлетворения потребностей. Убеди людей следовать этим принципам, и ты завоюешь мир. Но Атауальпа задумал украсть его. Впрочем, об этом я уже говорила. А вот то, о чем ты, наверное, не знаешь. Отец Атауальпы и Уаскара испугался, что, став слишком разумным, народ откажется от его власти. Именно он запретил использовать письма, оставив вместо них только кипу, язык узелков и орнаментов. Этот шифр способна читать только элита Тавантинсу́йу. А между тем еще пятьдесят лет назад искусству читать особые знаки, с помощью которых записывалась наша история, обучали в специальных школах. Этих знаков было более двух тысяч, и с их помощью можно было достичь совершенства знаний. Может показаться, что Великий Инка испугался, что потеряет власть. Многие считают, что он боялся появления в стране людей, которые будут умнее его. И однажды эти люди потребуют у него уступить место под солнцем.

Но, конечно, все объяснялось не так просто. И мой отец поначалу участвовал в этих изменениях. Ему говорили, что знания – это богатство, которое нельзя разбрасывать над засыхающим полем. А для того, чтобы его приумножить, нужно создать особую касту людей. Эти люди, сами имея неограниченный доступ к знаниям, будут ограничивать доступ к ним других людей. Отцу казалось это правильным и разумным. Далее Великий Инка собирался разрешить торговлю. Для этого он придумал ввести в обращение особые знаки. Если кто-нибудь захотел бы поесть, то за еду он должен был бы отдать определенное количество этих знаков. И если кому-нибудь было холодно, то за накидку он должен был отдавать знаки, много или немного, я уж не знаю. Все на свете предполагалось оценивать в этих знаках. Сами по себе они ничего не значат, но указ Инки делал их богатством. Заставить людей жить по новым правилам – это было сложной задачей. Но нет на свете ничего невозможного. Правитель только тогда может считаться хорошим, когда его окружают хорошие помощники. Правда, я не имею в виду, хорош или же плох правитель для народа. Речь идет о том, насколько крепка его власть.

Итак, Великий Инка задумал очень серьезные изменения в стране. И даже если мотивы этих изменений были призрачными, то меры, которые он предпринимал, меняли реальность и жизнь вокруг нас. Он не случайно приблизил к себе родственников правящей семьи из царства Кито. Это царство завоевали совсем недавно, и его жители еще помнили, что такое торговля, как нужно продавать и покупать самое необходимое, ради чего торговцы обманывают друг друга и покупателей. Ну, а правители Кито знали секрет управления сложным процессом торговли. Великий Инка ввел их в Кори́канчу, а перед этим уравнил в правах с корен-

ным населением Куско и, что гораздо более важно, с членами своей семьи. Атауальпа, если ты знаешь, воспитан своей матерью, а она, в свою очередь, родом из Кито, из царской семьи. И если остальные части Тавантинсуйу присоединились к империи добровольно, то царство Кито пришлось завоевывать силой. Конечно, большой войны не было. Великий Инка лишь повел на север свое огромное войско, и только после того, как правители царства Кито увидели, сколь хорошо вооружена и подготовлена армия вторжения, они решили отказаться от борьбы. Они думали, что сила власти нашего императора в солдатах и оружии, хотя она заключена всего лишь в трех коротких законах, которые ты знаешь: «Не воруй, не лги, не ленись». Но вот и то, чего ты не знаешь: первым, кто их нарушил, был наш собственный правитель.

За сказанное эту девушку могли судить и казнить. Правда, на суде наверняка дали бы ей высказаться. И она, пришло на ум Чинче, могла бы доказать свою правоту. Но Окльо не умолкала, продолжая рассказывать тайную историю Империи Инков.

– Итак, для того, чтобы управлять Севером без помощи оружия, Великий Инка ввел правителей Кито в свою семью. Они стали наместниками императора на вновь завоеванной территории. Как известно, только единственному человеку в этой огромной стране закон позволяет иметь больше одной жены. И этим человеком является правитель. Мать младшего царского сына, Атауальпы, была слишком красива, чтобы кто-нибудь смог устоять перед ее обаянием. И Великий Инка перестал видаться с матерью старшего сына, Уаскара. Большую часть времени император проводил в Кито. Казалось бы, новая царица использует вождя в своих целях. Но это было не так. Она всего лишь стала его главным советником. Как ты знаешь, наши великие предки давным-давно забыли о жертвоприношениях. Они понимали, что в наших горах и на наших скудных землях жизнь каждого человека имеет ценность. Каждая пара рук значила для страны больше, чем золото, которое так настойчиво ищут сейчас новые захватчики, люди Солнца. Золота у нас было много, а вот земли, пригодной для того, чтобы взрастить на ней драгоценное зерно, мало. И мы отменили жестокие церемонии ради нашего будущего. Но в царстве Кито жертвоприношение считалось нормой. Посреди их столицы был вырыт глубокий колодец. Насколько он был глубок, не знал никто, потому что его дно никогда не видел никто из живых. А мертвые, падавшие на его дно в дни жертвоприношений, уже никогда не поднимаются на поверхность, чтобы рассказать правду о царях Кито. Но мы ее и так знаем. Кроме этого колодца было немало мест, где совершались эти ужасные церемонии. И одна из них состояла в том, чтобы съесть приговоренного к смерти преступника. В этом участвовали только первые люди царства. Участие в таком кровавом застолье означало только то, что гостя посвящали в узкий круг людей, на которых не распространялись законы добра и зла, справедливости и несправедливости, любви и ненависти. Они думали, что становятся сверхлюдьми, а на самом деле теряли человеческий облик.

Чинча хотел было задать вопрос, а зачем этим людям из страны Кито нужно было практиковать столь необычные и жестокие церемонии, но рассказчица сама опередила его.

– Воины, обитавшие на севере до нашего прихода, считали, что врага можно победить только тогда, когда он становится частью победителя. То есть отдает свою силу и свой разум противнику. А такое возможно, считали они, если поверженный враг становится едой. Они завидовали нам. И поэтому хотели нас съесть. Мой отец узнал о том, что свои варварские обычаи они, эти выскочки с севера, стали практиковать и в столице империи, Куско, что, конечно, хранилось в тайне. И тогда он обратился к Великому Инке. Он пришел к нему на прием и напрямую сообщил о том, что делают северяне. И знаешь, что ответил Инка?

– Что? – переспросил Чинча.

– Он ответил: «Я знаю». Он знал обо всем этом! И моему отцу показалось, что небо упало на землю, потому что жить, как прежде, он уже не мог, и в то же время не знал, как жить иначе.

– После этого, – продолжала Окльо, – отец стал искать тех, кому невыносимо было смотреть на то, как в жертвенной крови варварских пиршеств тонет наша родина, великая Империя

Четырех Сторон. Недовольных оказалось много. И за ними была сила. Среди могущественных генералов огромной армии, среди тех, кто выращивал новые злаки в горах, и, конечно, среди жрецов. Правда, эту касту отец считал самой ненадежной – уж слишком часто они меняли свое мнение и всегда были на стороне сильного. Даже самый благородный из них человек, которому отец верил безгранично, в конце концов, перешел на сторону Атауальпы.

– Вильяк Ума, – тихо проговорил Чинча. – Верховный жрец.

Окльо грустно улыбнулась и кивнула головой, словно в знак согласия.

– Впрочем, он нас не выдал и время от времени помогает нам. У него очень острый ум и большое доброе сердце. Хотя этот человек бывает жестоким. Как и все мы.

Однако, несмотря на желание многих могущественных людей сохранить наши традиции, мы потерпели поражение. Мы поддержали Уаскара в его законном стремлении стать Великим Инкой. Но голод, охвативший Тавантинсуйу, помог победить Атауальпе и тем, кто хотел добраться до богатств этой страны. То, что принадлежало миллионам людей, захватили новые вожди, а то, что они не смогли захватить, было просто разграблено. На наших складах в горах сохранялись нетронутыми запасы провизии на десятки лет, и лишь немногие из них остались целыми. Да и то, благодаря умным, честным и дальновидным лидерам местных общин – айлью, за что им огромное спасибо. Иногда я думаю, что возрождение Империи Четырех Сторон начнется не из Куско, а из дальних горных общин, где люди умнее и чище нас с тобой.

– Я тоже из горной общины, – заметил, с долей обиды в голосе, архитектор.

– Знаю, мой дорогой, – улыбнулась Окльо. – Именно поэтому ты здесь. Вильяк Ума говорил о тебе.

Чинча подумала и сказал:

– Он мне передал символ.

– Это больше, чем символ, – заметила девушка. – Я знаю, ты сумеешь его сберечь. Тем, кто пытался сделать тебя слепым, он нужен был больше, чем ты.

– Кто они такие? – спросил Чинча.

– Северяне. Это страшные люди. Я же говорила о том, что они верят только в силу, и сила того, кого они съедают, переходит к ним.

– Ты в это веришь?

– В это верят они. Тебя они хотели наказать. Лишить всех чувств и превратить в растение. И это тоже можно считать жертвоприношением. И мы тебя спасли.

– Ты и твой отец?

Окльо вздохнула глубоко и печально. В этом вздохе было гораздо больше одиночества, чем в пронзительном крике, который издает заблудившийся путник, оказавшись один на один со своим страхом и отчаянием. Чем больше Чинча ее слушал, тем больше ему хотелось защитить ее от жестокого мира, день за днем становившегося все более и более незнакомым. Так, обычно неприятно, удивляет старый друг после долгой разлуки: ты ожидаешь увидеть прежнего человека и не хочешь брать во внимание, что между двумя вашими встречами прошла целая жизнь, полная событий, и у каждого она своя.

– Отец построил этот тайник вместе со своими товарищами. Он был главным архитектором Империи Четырех Сторон, и многое, чем ты восхищался в Куско, придумал его разум и воплотил его талант. «Воин – это тот, кто разрушает, – любил он говорить. – А строитель – это тот, кто создает». В человеке живут обе страсти – и к разрушению, и к созиданию.

– А любовь?

– Что «любовь»? – переспросила Окльо.

– Любовь это разрушение или созидание? – Голос Чинчи дрожал. Он словно боялся, что она увидит скрытый смысл в его словах. И она увидела.

– Обними меня, – позвала его Окльо.

Он обнял ее с нежностью и страстью. Она отозвалась, плотно прижавшись к нему, и притянула его голову поближе, чтобы удобно было дотянуться губами до его полураскрытых губ. Он почувствовал ее дыхание, и, хотя их губы еще не сомкнулись, у него во рту появился вкус мятной жвачки, которую она, готовясь к поцелую, плотно утрамбовала язычком под нижнюю губу. Влага их дыхания все больше и больше смешивалась, пока, наконец, их губы не сомкнулись. Ее язык ловко втиснулся в небольшой зазор между его губами. Он дал ей проникнуть в себя, а потом еще глубже нежно втянул в себя ее язычок.

Когда они в первый раз оторвались друг от друга, мужчина выдохнул:

– Сладкая моя!

Вечные слова, которые на протяжении тысячелетий любовники произносят так, словно только что изобрели их сами.

– И ты! – улыбнулась женщина, игриво укусив его за мочку уха.

Его язык скользнул от уголка ее рта, потом вниз по щеке, к самой шее. Нашупав робкий пульс вены, мужчина сначала поцеловал ее в то место, где под кожей бился кровавый пульсар, а потом очень осторожно, чтобы не причинить ей боль, дотронулся зубами до кожи. Она была чуть солоноватой от испарившегося пота. Возбуждающе солоноватой.

– Сладкая моя! – Чинча продолжал говорить банальности, которые использовали мужчины за тысячи лет до него и наверняка будут использовать и после. – Так бы тебя и съел!

Он улыбался, а она, жмурясь, как сытая хищная кошка, подставляла свои щеки, губы и глаза под барабанную дробь его поцелуев. Постепенно его объятия становились жестче, поцелуи сильнее. В любовной игре мужчина и женщина все более явно стали использовать опасные ласки. Он ее то целовал, то слегка сжимал зубы на ее коже. Она, позволяя ему многое, словно со стороны услышала крик боли.

– Ты что? – спросил он.

Тогда она поняла, что кричала сама и вовсе не потому, что ей было хорошо. Она провела рукой по шее. На ладони остался след крови. Пальцы нащупали рельефный след от его передних резцов. Это был укус.

– Ой, что же это я делаю?! – Мужчина произнес глупость вместо извинения.

Она только улыбнулась.

– Ну, вот, наконец-то ты понял.

Во время любовной игры в нем пробудился зверь. И этот зверь был голоден, а значит, действительно хотел ее съесть.

Восемь. Тот, кто пришел

Меньше всего на бивуаке Вадим ожидал встретить этого человека. Грузный пожилой зевака нелепо крутился среди мощных машин, деловито снующих по лагерю, поднимая пыль. Толстяк явно был чужаком на этом празднике бездорожья, и ощущение нелепости его пребывания здесь усиливала одежда, которую человек нацепил на себя. Клетчатые шорты невероятного размера были подтянуты под надутый живот, напоминающий небольшой аэростат. Его воздухоплавательную округлость скрывала разноцветная гавайская рубашка, вся в пальмах и желтоватых бананах-ананасах. Над лицом с двойным подбородком возвышалась зеленая туристическая панама. И, в довершение ко всему, этот человек посасывал шоколадное эскимо, невесть откуда взявшееся на бивуаке. Было очень жарко. Лица гонщиков и механиков были покрыты бархатистой пылью. Ее поднимал сухой ветер, и она, словно взвешенная в горячем воздухе, быстро прилипала ко всему, что несло на себе любые следы влаги. А к потным телам и подавно. Из-за жары мороженое в блестящем пакете довольно неуверенно держалось на палочке и слегка болталось.

Вадим закончил этап за несколько часов до появления нелепого толстяка. Его оранжевый комбинезон местами стал серым от пыли. Из-под расстегнутого ворота виднелась нательная рубашка из фибровой ткани, пропускающей влагу, вся в темных разводах от пота и грязи. Гонщик сидел на только что снятом колесе рядом с машиной, установленной на стапеле. Механики с весьма сосредоточенными лицами суешили вокруг болида, словно охотники возле большого и сильного стреноженного зверя. Техников, которые обслуживают не фаворитов, а обычных гонщиков, всегда отличает нехватка времени. Это и немудрено: ведь фавориты всегда приходят первыми, а остальные доезжают как получится и когда получится. А за оставшиеся до следующего старта часы нужно закончить примерно тот же объем работ, который не торопясь выполняют механики и Неистового Араба Насера, и короля дюн Ансельпетера, и голландского тяжеловоза Де Рота. Даже, пожалуй, больше. Они, фавориты, летят по нетронутой целине. Перед ними открываются горизонты бездорожья, не исчерченные колесами автомобилей. Первую колею оставляет лидер. Тот, кто едет за ним, старается не попасть в эту колею. Остальные, в конце концов, обречены на езду по разъезженным желобам чужих побед, выбираясь из которых они фатально быют рычаги подвески, мучают коробки передач и сжигают начинку корзины сцепления.

Итак, Вадим заметил блуждающего чужака в тот момент, когда толстяк с любопытствующим видом прохаживался возле разобранного БМВ с номером «301». Это был мощный болид с очень сложным двигателем. Пилот машины, девятикратный чемпион марафона Ансельпе-

тер, иногда жаловался, что сложность устройства мотора – это самое слабое место автомобиля. Но главный механик немецкой команды только улыбался и отвечал ему в том духе, что, мол, Ансельпетер хорошо крутит баранкой и управляется с педалями, а о том, что происходит внутри машины, он не имеет ни малейшего понятия. Гонщик, не слишком удрученный насмешкой механика, только пожимал своими квадратными плечами, замечал, мол, «каждому свое» и шел отдыхать, оставляя насмешника наедине с машиной.

У толстого чужака был очень острый, внимательный взгляд. Пухлые ладони с пальцами-сосисками могли создать впечатление, что их владелец ничего тяжелее вилки с ложкой в руках не держал. Но впечатление это было ложным. Коричневый загар и грубые мозоли на внутренней стороне ладоней довольно ясно говорили о том, что странный визитер, по крайней мере, знаком с физическим трудом. А черная каемка под ногтями указательных пальцев могла подсказать еще и то, что толстяку приходилось делать и грязную работу. Да что там говорить? Разве работа полицейского бывает чистой?

Это был комиссар полиции из боливийского города Санта-Крус. Вадим не сразу узнал его. Одежда беззаботного дачника и мороженое сбивали с толку. А вот комиссар наоборот – он сразу определил, где стоят палатки украинской команды. По желто-голубому флагу, который главный механик собственноручно водрузил на телескопический флагшток. Пока Валера поднимал его, он все время бормотал: «Зря мы его тащили». Но как только ветер расправил полотнище, и оно, туго сопротивляясь потокам воздуха, забилося, как птица, довольный шеф механиков модернизировал свою мантру: «Не зря мы его тащили». Это полотнище комиссар заметил давно. Хотя к людям Вадима подошел не сразу. Сначала он хотел понять, чем дышит бивуак и что собой представляют люди, собравшиеся под жарким небом аргентинской пампы.

О, это были очень интересные персонажи. Их припорошенная пылью униформа тоже могла ввести в заблуждение. Здесь они все были равны – перед жарой, пустыней и бездорожьем. А там, в жизни за пределами гонки, они обладали могуществом и ворочали огромными деньгами. Во всяком случае, некоторые из них. Два владельца металлургических предприятий конкурировали друг с другом – на рынке, и на трассе, – выступая в разных командах категории подготовленных прототипов, то есть машин, уникальных в прямом смысле, – потому, что они изготавливались в особых автомобильных ателье, а значит, существовали в единственном экземпляре.

– А сколько стоит такая машина? – спросил комиссар полиции ближайшего к нему человека в пыльном комбинезоне, опиравшегося на болид под номером 301. Нет нужды говорить, что это был легендарный Ансельпетер, но разве смог бы его отличить от сотен таких же запыленных людей обычный старый полицейский, никогда до этого не интересовавшийся автогонками?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.